

ЕГЕРЬ. СИСТЕМНЫЙ ЗВЕРОЛОВ

ЧИКОЛАН СКИЕА

Николай Скиба
Егерь. Охота. Книга 6
Серия «Егерь. Системный
Зверолов», книга 6

*<https://litres.ru/73211653>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Воздух пахнет хвоей, вокруг июльская тайга. Я егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей.

Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	44
Глава 4	59
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Николай Скиба

Егерь. Охота. Книга 6

Глава 1

Я очнулся от аромата целебных трав. Мята, ромашка, что-то ещё незнакомое, но приятное — травяная смесь щекотала ноздри, прогоняя остатки тяжёлого сна. Каждый вдох приносил облегчение, словно сам воздух лечил тело.

Лежал на удивительно удобной кровати под мягким одеялом из какой-то неизвестной ткани. Материал был приятен на ощупь, как шёлк, но плотнее и теплее. Ничего не болело — лишь лёгкая слабость напоминала о недавней битве. Боль в рёбрах, которая терзала меня после схватки, почти исчезла, оставив лишь едва заметную ломоту.

Открыв глаза, замер от изумления.

Я находился в комнате, вырезанной прямо в живой скале. Стены были шероховатыми и неровными, покрытыми естественными выбоинами и трещинами. В глубоких расщелинах поблёскивали тонкие прожилки кварца, а кое-где из камня выступали кристаллические образования неправильной формы. Воздух был сухим и тёплым, без сырости, которую можно было бы ожидать в подземелье. Откуда-то тянуло свежим ветерком — значит, где-то существовали выходы на по-

верхность.

Синеватый свет исходил от кристаллов, торчащих из стен через неравные промежутки. Они неровно пульсировали, то ярче, то тусклее, создавая живые тени на каменных поверхностях. Кристаллы имели причудливые формы — острые, как ледяные сосульки, или округлые, словно замёрзшие капли.

Потянулся, чувствуя, как мышцы отзываются ровным напряжением.

Сел на кровати, ощущая возвращающиеся силы. Голова была ясной, во рту не чувствовалось привкуса крови — лишь лёгкое послевкусие целебных трав. Как меня так быстро поставили на ноги? Сколько вообще прошло времени?

В углу на грубо отёсанном каменном выступе лежали мои вещи. Нож в ножнах, свёрнутый ремень. Одежда была выстирана и заштопана — дыра от когтей химеры исчезла.

Рядом, на второй лежанке, вырубленной из того же камня, лежал Григор.

Великан выглядел безмятежно, но дышал едва заметно — грудь поднималась и опускалась с неровными интервалами. Ритм был тревожным: несколько коротких вдохов, затем долгая пауза, заставлявшая меня задерживать дыхание.

Кровавые трещины на лице частично затянулись, но шрамы остались — глубокие розовые борозды от висков к подбородку. Кожа была бледной, а под закрытыми веками изредка пробежала дрожь. Руки лежали поверх грубого одеяла.

Теперь пальцы казались тоньше, с синеватыми прожилками под кожей.

Я встал, оделся, подошёл к нему и долго стоял, глядя на неподвижное лицо.

В голове была пустота. Мысли приходили обрывками. Григор чуть не умер ради собственных идеалов и целей Жнецов Леса, пожертвовав собой. А ещё спас жизнь человека, которого толком не знал. В прошлой жизни я видел смерть, но никто никогда не делал ничего подобного на моих глазах. Тяжесть этого самоотверженного поступка давила на плечи.

Постояв ещё немного, направился к широкому проёму в дальней стене. Арочное отверстие вело в коридор, также освещённый кристаллами, но пульсирующими в другом ритме.

Дойдя до края, я вышел на широкий естественный выступ и замер.

Передо мной раскинулась огромная пещера.

Потолок терялся в высоте, скрываясь в фиолетовых теньях. Массивные сталактиты свисали сверху, некоторые толщиной со ствол дуба. Их поверхности были усеяны наростами кристаллов, отражавших свет причудливыми бликами. Между ними, словно гирлянды, тянулись скопления светящихся камней.

Но самым поразительным был масштаб. Пещера простиралась так далеко, что противоположная стена терялась в дымке.

По всему дну, уходя к горизонту, ютилось поселение.

Жилища были встроены в естественный рельеф — одни построены из грубо отёсанного камня в углублениях, другие вырезаны в выступах скалы. Между ними, устланные плоскими камнями, вились тропинки. Кое-где росли странные растения со светящимися листьями, дававшие дополнительное освещение.

Виднелись небольшие площадки с естественными водоёмами, куда из трещин в потолке капала вода. Звук падающих капель смешивался с гулом голосов и шагов. В воздухе витали запахи травы, готовящейся еды и дыма от костров.

И везде сновали люди с невиданными питомцами.

Мужчина в поношенном плаще шёл по тропинке с огромным пауком размером с лошадь. Хитиновый панцирь зверя переливался в кристальном свете, а мохнатые лапы беззвучно ступали по камню. Мужчина время от времени похлопывал паука по голове, получая в ответ тихое...

Урчание?

Женщина сидела на ступенях каменного жилища с крошечной виверной — существом размером с кошку, с кожистыми крыльями и шипастым хвостом. Малыш дремал, изредка потягиваясь, а женщина гладила его чешуйчатую спинку.

На широкой террасе пожилой мужчина обучал парня работе с питомцем — зверем, похожим на помесь волка и дракона. Четыре лапы, покрытые чешуёй, длинная шея, неболь-

шие крылья. Существо послушно выполняло команды.

На центральной площадке подростки тренировались с созданиями, которых я никогда не видел. Один командовал зверем, напоминающим оленя с птичьими перьями вместо шерсти. Другой играл с гигантской светящейся бабочкой с полупрозрачными крыльями.

Боже, что это за звери? Я...

В зоне третьего уровня?

Больше всего поражала атмосфера. Люди и звери взаимодействовали как партнёры, с взаимным уважением. Целый мир в недрах земли. Мир, где люди жили бок о бок с порождениями Раскола!

Пока я любовался подземным городом, что-то шевельнулось в глубине сознания. Ощущение, словно я упустил из виду что-то важное. Разум, отупевший от усталости и перенапряжения, медленно собирал воедино обрывки памяти о недавней битве.

Где мои звери! Паника на секунду накрыла холодной волной.

Ментальные нити связи с питомцами натянулись, я почувствовал их присутствие как слабые вспышки тепла в глубине души.

Режиссёр, Карц и Актриса находились в духовной форме внутри моего ядра — их присутствие пульсировало как тёплые сгустки света. Карц всё ещё был слаб после ранения, Режиссёр восстанавливался после безумной траты сил в бою,

но его стихийная сущность постепенно возвращалась к норме. Актриса дремала, залечивая раны.

Но двое других...

Красавчик и Афина были где-то рядом, но не в ядре. Их связи тянулись в физический мир, указывая направление сквозь каменные стены.

Фух, живые и невредимые, слава богу! Облегчение разлилось по груди тёплой волной — после всего, что произошло на поляне, я боялся за их состояние. Память услужливо подбросила картины битвы: рычащая Афина, сражающаяся с пантерой, Красавчик, методично терзающий Виолу своими смертельными клыками.

Но нити связи пульсировали где-то в глубине каменных коридоров, ровно там откуда пришёл.

Я покинул площадку и пошёл по извилистому проходу, следуя внутреннему компасу.

Где-то вдалеке слышались голоса — тихий гул разговоров и смех. Жизнь текла своим чередом даже в этом скрытом от мира убежище.

Тропа привела меня к знакомой каменной арке, из которой я вышел на площадку. В проёме комнаты, где лежал Григор, стояли знакомые фигуры, и я подошёл ближе. Моё сердце забилося чаще. Как они прошли мимо меня?

Седовласый мужчина опирался плечом о косяк, его глаза внимательно следили за мной. С виду старик был расслаблен, но я чувствовал напряжение, готовое в любой момент

взорваться действием. Лана стояла рядом с ним, скрестив руки на груди, а у её ног сидели мои питомцы.

— Спасибо, — хрипло произнёс я, опускаясь на одно колено перед ними.

От пережитого напряжения голос звучал сипло. В горле пересохло, словно проглотил горсть песка.

Красавчик тут же подбежал ко мне стремительными прыжками и буквально влетел в мои руки, издавая тихие скулящие звуки. Смесь радости, облегчения и упрёка за долгое отсутствие. Его маленькое тельце дрожало от переполнявших эмоций, мокрый нос тыкался в мою ладонь с настойчивостью, требуя внимания. Когти цеплялись за кожу, не больно, но ощутимо — он словно проверял, что я настоящий, что это не очередная иллюзия.

Я не удержался и рассмеялся, почувствовав, как напряжение начало отступать. Тёплое, живое тельце в руках напоминало о том, ради чего стоило сражаться.

— Всё хорошо, дружище, — прошептал, поглаживая его по загривку. — Я тоже скучал.

Мех был мягким и пушистым, ещё хранящим запах леса и битвы. Красавчик замурлыкал — звук, который горностаи издают крайне редко, только в моменты полного счастья. Его крошечные лапки цеплялись за ткань рубашки, словно он боялся, что я снова исчезну.

Афина степенно, с королевским достоинством, подошла ближе. Каждое движение исполнено грацией хищника. Но её

уши нервно подрагивали, а в жёлтых глазах мелькнуло беспокойство.

Кошка тщательно обнюхала меня, её влажный нос скользил по коже шеи и рук, проверяя запахи, ища следы ранений или болезни. Её дыхание щекотало, а усы касались щеки мягкими прикосновениями. Когда она убедилась, что со мной всё в порядке, то тихо мурлыкнула и потёрлась о мою ногу боком.

Привет, девочка.

Поднял взгляд на седовласого. Выражение его лица было холодным и непроницаемым. За плечами висел охотничий рог — тот самый, звук которого разорвал теневые оковы Морана.

На немой вопрос в моих глазах он ответил ровным голосом:

— Ты в Убежище. В доме Жнецов Леса.

Мужчина подошёл ко мне неспешным шагом и со всей силы ударил кулаком в живот.

Воздух выбило из лёгких с хрипящим звуком. Боль расцвела в животе ярким пятном, заставив согнуться пополам. Я хватался за рёбра и кашлял, пытаюсь восстановить дыхание. Удар был точным и профессиональным — болезненным, но не калечащим. Прицельно в солнечное сплетение, чтобы вырубить дух.

Афина мгновенно зарычала, её мускулы напряглись для прыжка. Красавчик замер в боевой стойке.

На лице седовласого не дрогнул ни один мускул, словно он раздавил назойливую муху.

Я мысленно передал питомцам волну спокойствия через связь, и они неохотно расслабились, хотя настороженность в их глазах не исчезла.

— Это тебе моё "добро пожаловать", — произнёс седой всё тем же ровным тоном. — Ещё раз тронешь мою дочь, я убью тебя.

В его глазах застыл лёд. Холодная угроза и абсолютная готовность привести её в исполнение. Взгляд человека, который убивал не раз и не будет долго раздумывать, прежде чем убить снова.

Я распрямился, массируя живот, и усмехнулся сквозь боль:

— Малая плата за спасение. Переживу.

— Тебя спасли не из милосердия, — отрезал седовласый. — Ты нужен нам для войны.

— Да уж понятно, — я выпрямился и взглянул на девушку. — Извини, что так вышло. Ситуация была крайне тяжёлая.

— Не думай, что мне нужны твои извинения, — ответила Лана, прислонившись плечом к каменной стене. Её голос звучал равнодушно, будто мы обсуждали погоду. — Благодаря богам, что Виола жива. Вот тогда извиняться бы пришлось посильнее.

Она выглядела спокойно, словно недавнее столкновение

и вправду её ничуть не волновало. Смуглая кожа мерцала в свете кристаллов бронзовым отливом, тёмные волосы до плеч обрамляли правильные черты лица.

Стройная фигура была скрыта под простой, но хорошо сидящей одеждой — кожаная жилетка, плотные брюки, высокие сапоги. Красивая, но эта красота не кричала — скорее притягивала какой-то естественной, первобытной грацией.

В движениях чувствовалась уверенность хищника, привыкшего полагаться на собственные силы. Она не боялась меня или моих питомцев — в позе читалось спокойствие того, кто знает себе цену. Взгляд внимательный, оценивающий, изучающий каждую реакцию.

Одно слово — пантера.

— Что насчёт Григора? — спросил я, бросив взгляд на седовласого. — Э-эм...

— Меня зовут Вальнор, — представился дед. — По Григору не скажу... Ждать надо.

Беспокойство кольнуло в груди. Образ неподвижного тела отшельника, покрытого кровавыми трещинами, всплыл в памяти. Человек балансировал на грани между жизнью и смертью.

— Что это вообще было? — я покачал головой. — Этот медведь... Я такого раньше не видел.

— Потому что такие способности принадлежат настоящим звероловам, — объяснила Лана, в её голосе звучала гордость. — Григор — настоящий самородок. Настоящий! А не

выродок вроде Морана, который изувечил всю суть звериного благородства.

Последние слова она произнесла с такой злостью, что воздух вокруг неё словно потяжелел. Глаза вспыхнули янтарным светом, и на мгновение в них мелькнуло что-то хищное.

Она оттолкнулась от стены и подошла ближе. Движения были плавными, бесшумными — настоящая кошка.

— Григор умеет превращать собственную жизненную силу в стихийную энергию, — продолжила она тише, словно делилась священной тайной. — Первый резерв даёт физическое усиление и позволяет черпать силу питомца, ты уже видел его в бою с Карцем. Второй усиливает этот эффект в несколько раз. А третий... — её голос стал ещё тише, почти шёпотом. — Третий превращает саму душу в оружие. Четвёртый и пятый резервы ещё никто не видел.

— Что? — я почувствовал, как мурашки бегут по коже. — Есть резервы сильнее?

— Есть, — кивнул Вальнор, его лицо потемнело. — По понятным причинам Григор их не изучает.

— Куда уж дальше, если на кону смерть, — я покачал головой и выдохнул. — Невероятно.

— Смерть, да, — серьёзно кивнула Лана. — Вот только не Зверолова... А зверя. Не знаю, что должно произойти, чтобы Григор лишил Марэль жизни. Наверное, только судьба всего мира должна стоять на кону.

Имя медведицы прозвучало с такой нежностью, что стало

ясно — для Григора его питомцы были не просто зверями, а членами семьи.

— Моран сделал нечто подобное, — вспомнил я внезапно. — Чтобы создать портал.

— Это просто магия, Макс, уж точно не резерв, — вдруг разозлилась Лана, её янтарные глаза вспыхнули. — Чёрт, ты как слепой котёнок! Как ты вообще дошёл до этого? Как не сдох по дороге?

В её голосе звучало искреннее недоумение, смешанное с раздражением. Словно она не могла понять, как такой невежда умудрился выжить в мире, где знания означали разницу между жизнью и смертью.

— А ты? — я кивнул на неё, проигнорировав этот выпад. — Друид?

Лана рассмеялась. Звук получился горьковатым, полным невесёлой иронии.

— Было бы неплохо, но нет. Я оборотень. — Она пожала плечами с показной небрежностью. — Мне двести лет, если что. В самом начале пути, молода и свежа, ха-ха.

Двести лет? Я внимательно всмотрелся в её лицо. Она выглядела на двадцать, может чуть больше. Гладкая кожа, ясные глаза, никаких морщин. Но в её взгляде действительно была какая-то неуловимая древность — не мудрость старости, а накопленный опыт долгой жизни, которую я принял за раннюю зрелость.

— Когда я отключился... — на меня нахлынули воспоминания.

нения. — Ты упоминала что-то про сердце стаи. А ты, Вальнор, говорил, что Виолу нельзя убивать, если хочу, чтобы моя рысь жила. Что всё это значит, мне наконец-то скажут? И что с Виолой? Вы что-то узнали?

Усмешка Ланы стала шире.

— Ты задаёшь вопрос не тем людям, Максим.

В этот момент я услышал тяжёлые, размеренные шаги, эхом отдающиеся в каменных коридорах.

Седовласый и Лана одновременно обернулись к проходу. На их лицах появилось выражение почтения, смешанного с осторожностью. Даже Афина подняла голову, её уши встали торчком.

— Первый Ходок, — тихо произнесла девушка.

В проёме показалась фигура.

Это был не могучий воин в сверкающих доспехах и не облачённый в дорогие одежды владыка с золотыми перстнями.

К нам подошёл старик. Он был высок, но сух, как древний дуб, переживший сотни зим, его плечи были сторбленными под тяжестью невидимой ноши, которую он будто нёс столетиями.

Простая одежда из грубой ткани висела на нём мешком, словно сшитая для человека куда более крупного телосложения.

Лицо было испещрено такой густой сетью морщин, что казалось, будто оно вырезано из старого корня сосны. Седые волосы падали на плечи неровными прядями, а борода до-

ходила почти до пояса, переплетённая тонкими косичками, в которые были вплетены мелкие кристаллы.

Но всё это — внешность, одежда, даже сама аура древности — не имело никакого значения, когда ты встречался с ним взглядом.

Я редко обращал внимание на такие вещи, но не в этот раз.

Его глубокие, спокойные глаза были цвета мха после летнего дождя. В них не было ни властности королей, ни злобы завоевателей, ни даже усталости от прожитых лет. Только мудрость, накопленная за века одиночества в глубинах земли, и скорбь такой глубины, которую может познать лишь тот, кто видел рождение и смерть целых поколений.

Кристаллы на стенах вспыхнули ярче, откликаясь на его присутствие, и тени заплясали по каменным поверхностям. Воздух наполнился едва уловимым ароматом старого леса — влажной земли, прелых листьев и дикого мёда. Почему-то показалось, что так должно пахнуть... Время.

Он остановился на пороге, и его взгляд медленно обошёл всех присутствующих, скользнул по Афине, надолго задержался на Красавчике, а затем нашёл меня.

— Ты очень похож на него, — наконец тихо произнёс старик.

Его голос был удивительно спокоен. В нём не было дряхлости возраста.

— Тот же прямой взгляд, когда сталкиваешься с неизвест-

ным. Он тоже так хмурился, когда пытался понять что-то важное.

Я замер. Чего?

— На кого? — мой голос прозвучал чужим, охрипшим.

Первый Ходок медленно вошёл в комнату, и я посторо-
нился. Он приблизился к кровати, где без сознания лежал
Григор, и остановился рядом. Морщинистое лицо смягчи-
лось — в нём появилось что-то, что можно было бы назвать
отцовской нежностью. Медленно, с бесконечной осторожно-
стью, он провёл костлявой рукой по лбу великана.

Прикосновение было едва заметным, но алое свечение,
которое едва теплилось на израненном лице Григора, вспых-
нуло ярче, а затем мягко растеклось по коже, словно лечеб-
ный бальзам. Дыхание отшельника стало ровнее, а глубокие
морщины боли разгладились.

Ходок медленно выпрямился, его плечи расправились.

— На того, чьё пламя вспыхнуло так же быстро как по-
тухло.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Я говорю о твоём отце, Максим.

— Ты знал его?

— Нет, — Первый Ходок медленно покачал головой. —
Никогда не встречал его лично.

Он сделал шаг ближе, и я почувствовал исходящую от
него абсолютную силу. Как мощь целой горы или океана.

— Это сложно объяснить. Я просто чувствовал его, чув-

ствовал, что он особенный. Что может делать со зверями невероятными вещи.

— Это и вправду сложно понять, — я нахмурился и взглянул на Лану. Девушка смотрела на старика не моргая.

— Я касался самого Раскола, Максим. Поэтому мне доступно чуть больше, чем остальным. Например, я знаю, что ты делаешь со зверями. Откуда у тебя такой огромный ядозуб и самое главное... Кто твоё сердце стаи.

— Ты говоришь о моей ветряной рыси?

Старик сделал ещё один шаг ко мне, и...

Внезапно улыбнулся.

— О, твоя поимка рысей воистину невероятна, и это все-
ляет надежду в будущее. Нам нужно прогуляться и о многом
поговорить, не считаешь? Похоже, наконец-то твой долгий
путь будет оправдан, и ты получишь все ответы. Хотя, ты
ведь и сам уже о многом догадываешься, не так ли?

Да. Похоже, что так.

Глава 2

Мы медленно спустились по каменной лестнице в подземный город.

Афина шла настороженной поступью рядом со мной. Каждый шаг был рассчитан — она всё воспринимала территорию чужой. Красавчик устроился на моём плече и внимательно наблюдал за всем происходящим, его чёрные глаза-бусинки быстро перебегали от одного удивительного зрелища к другому.

Первый Ходок двигался впереди размеренным, почти ритуальным шагом. Его простая серая одежда развевалась от лёгкого подземного ветерка.

Отсюда, снизу, Убежище поражало ещё больше. Масштаб открывшегося передо мной мира заставил вертеть головой. Каменные жилища тянулись в разные стороны извилистыми террасами, как будто сам горный склон решил превратиться в город. Некоторые дома были выдолблены прямо в скальной породе, их окна зияли тёмными провалами, из которых сочился тёплый золотистый свет. Другие строения были аккуратно сложены из блоков, их стены покрывали причудливые узоры, похожие на естественные прожилки в камне.

Тысячи светящихся кристаллов были встроены в стены и потолок пещеры. Их тёплое освещение напоминало рассвет в лесу, хоть мы и находились в глубинах земли.

Мы шли молча.

Мерные шаги Первого Ходока отдавались глухими ударами по каменным плитам. Почти неслышное дыхание Красавчика у моего уха. Смех детей где-то далеко.

Первый Ходок казался погружённым в собственные мысли, его взгляд был устремлён куда-то вдаль. Словно сквозь время и пространство, туда, где хранились воспоминания о прошлом и предчувствия будущего. Морщины вокруг глаз углублялись и разглаживались в зависимости от течения невидимых мне мыслей. Я тоже молчал, пытаюсь переварить всё увиденное.

Подземный город, невиданные звери, оборотни, люди, живущие в гармонии с порождениями Раскола — всё это казалось сном. Но камень под ногами был реален, прохладный ветерок касался лица, а запахи этого места навсегда отпечатывались в памяти.

Местные жители замечали нас издалека. Их силуэты мелькали на балконах вырезанных в скале домов, в арочных проходах между террасами, на узких мостиках, перекинутых через расщелины. Мужчины и женщины — некоторые в простых одеждах ремесленников, другие в более изысканных нарядах. Все они почтительно кивали Первому Ходоку.

Некоторые останавливались и склоняли головы так низко, что казалось, будто готовы упасть на колени. На их лицах — глубочайшее уважение, граничащее с благоговением. Дети выглядывали из-за спин родителей широко раскрытыми

глазами.

Но никто не осмеливался подойти или заговорить — уважение к лидеру было абсолютным. Люди смотрели на старика так, как смотрят на отца, защитника, мудрого наставника.

Старик отвечал на приветствия лёгкими кивками, его лицо сохраняло спокойное, доброжелательное выражение. Иногда он поднимал руку в ответном жесте, и я видел, как лица людей озаряются улыбками.

В движениях ходака чувствовалась привычка. Принятие неизбежности власти. Смирение человека, который взял на себя бремя ответственности за столько людей.

Мы прошли мимо открытой площадки, где несколько подростков-звероловов тренировались со своими питомцами. Я невольно замедлил шаг, наблюдая за невиданным зрелищем. Юноша лет шестнадцати отрабатывал какие-то упражнения с существом, похожим на помесь волка и дракона, которого я видел сверху. Зверь был покрыт чешуёй, которая переливалась синими и зелёными оттенками.

Девочка постарше работала с парой крошечных грифонов — не больше голубей, но с орлиными головами и львиными лапами. Они кружили вокруг неё, выписывая в воздухе сложные фигуры, их золотистые пёрышки сверкали в свете кристаллов.

Первый Ходок заметил моё внимание и едва заметно улыбнулся, но не остановился. Мы продолжили спуск.

Внезапно старик резко остановился и обернулся ко мне.

Движение было настолько неожиданным, что я едва не налетел на него.

— Можешь звать меня Роман, — очень просто произнёс старик, и я едва не подавился собственным дыханием.

Слова прозвучали так обыденно, так по-человечески, что мой разум отказался их принимать. Роман? Великий лидер тайной организации, внушающий благоговейный трепет даже таким воинам, как Григор, человек, чьё имя произносили с опаской и уважением, носит самое обычное имя?

— Роман? — всё-таки вырвалось у меня, и в моём голосе прозвучало плохо скрываемое недоумение.

— Удивлён? — он улыбнулся, на лице старика мелькнуло что-то почти отеческое. — Когда-то я был простым человеком. Тебя ведь тоже зовут Максим, так ведь? Довольно обычное имя для человека с необычными способностями.

Его глаза смотрели на меня с лёгким весельем, словно он наслаждался моим замешательством.

— Сколько тебе лет? — вырвалось у меня второй раз.

Роман задумчиво почесал бороду.

— Понятия не имею, — признался он с удивительной лёгкостью, пожав плечами. — Может, пятьдесят, а может, пятьсот. После Касания Раскола такие мелочи просто стёрлись из памяти, словно их никогда и не было.

Он помолчал, его взгляд устремился куда-то в глубины пещеры.

— Время начинает течь по-другому, когда ты соприкаса-

ешься с его сутью. Дни сливаются в недели, недели в годы, а годы... — он махнул рукой. — Становятся просто потоком событий без чётких границ.

Дед повернулся и махнул рукой, приглашая следовать за собой.

— Идём, покажу тебе твой временный дом. И заодно объясню, с чем мы имеем дело.

Мы вышли на широкую тропу, ведущую вниз по склону. Здесь было больше места, и я мог лучше рассмотреть удивительную архитектуру Убежища. Кристальное освещение играло бликами на каменных поверхностях, создавая причудливые узоры света и тени. Некоторые стены были украшены изображениями людей и зверей.

— Твоя сила, Максим, — начал Роман, неспешно ступая по каменным плитам, — это естественное проявление Раскола. То, что должно быть нормой, а не исключением.

Мы прошли мимо группы детей с красными татуировками, которые играли с крошечными светящимися существами, похожими на летающих ящериц. Эти создания были не больше моей ладони, их крылья напоминали прозрачные крылья стрекозы.

Малыши смеялись, когда зверьки порхали вокруг их голов, оставляя в воздухе искрящиеся следы, как звёздная пыль. Один мальчик лет пяти протянул руку, и крошечная ящерица села ему на палец. Девочка чуть постарше пыталась научить своего питомца выписывать в воздухе буквы, и су-

щество старательно повторяло движения.

— Ты видишь это? — Роман остановился и кивнул в их сторону, его голос наполнился нежностью. — Связь без принуждения, без страха, без насилия. Дети и звери понимают друг друга инстинктивно, на уровне души. Именно так и должно быть. Именно такими мы рождаемся.

— И никаких тебе обрядов, — заметил я, вспоминая сумасбродство Ефима.

Ходок помолчал, наблюдая за играющими детьми.

— Люди позабыли об этом. Превратили великий дар в инструмент войны, средство наживы, способ демонстрации власти. Ввели дуэли. А должно быть просто... — он указал на смеющихся малышей, — ...радость.

Мы спустились ещё ниже, где тропа расширилась в небольшую круглую площадку. И здесь я увидел то, что заставило меня замереть от изумления.

В центре росло нечто невероятное — живое дерево высотой с трёхэтажный дом. Его ствол, толщиной с башню замка, был покрыт корой странного серебристого цвета, которая мерцала и переливалась. Она была покрыта рунами, которые медленно перетекали по поверхности, меняя форму и значение.

Крона дерева состояла из листьев всех цветов радуги. Здесь были оттенки, для которых у меня не находилось названий. Алый, как кровь дракона, золотой, как солнечный луч, синий, как глубины океана, зелёный, как сердце ле-

са. Каждый лист мерцал собственным светом, создавая игру красок, от которой захватывало дух. Свет пульсировал в едином ритме, словно дерево дышало, а его сердцебиение отражалось в свечении листвы.

Ветви дерева простирались во все стороны, некоторые из них опускались до самой земли, образуя естественные арки и укрытия. На ветвях сидели птицы — но и они были необычными.

— Это Древень, — почтительно произнёс Роман. — Он напоминает мне, что гармония всё ещё возможна.

Дерево тихо шелестело ветвями, хотя прямо сейчас никакого ветра в пещере не было. Звук напоминал мелодичный шёпот на незнакомом языке. Я чувствовал, как этот шёпот приносит покой и умиротворение.

Красавчик на моём плече подался вперёд, его нос задрожал от любопытства. Афина села рядом со мной, и впервые за долгое время я увидел в её жёлтых глазах что-то похожее на восхищение.

— В противовес этому, — голос старика потемнел, как небо перед грозой, — друиды «Семёрки» стремятся насильно подчинить себе силу Раскола.

Контраст между умиротворяющим присутствием Древня и суровостью слов Романа был разительным.

Мы обошли создание по широкой дуге. Я не мог оторвать взгляда от переливающихся листьев — каждый казался живым драгоценным камнем, в глубинах которого плясали ог-

ни неведомой магии. Иногда листья тихо звенели друг о друга, и этот звук был похож на музыку.

— Моран, которого ты встретил, — продолжил Роман, — силён, очень силён, но он такой не один. Есть ещё Эрика, с которой ты уже знаком.

При упоминании имени исследовательницы я невольно напрягся — слишком свежи были воспоминания о тварях. Зверях, над которыми она безжалостно экспериментировала, превращая их в чудовищ. Не размышляя о чувствах живых существ, о боли, которую они испытывают.

— Но их лидер — Тадиус, Друид Крови, — голос Романа стал ещё тише. — Вот кого стоит бояться. Он возомнил себя достаточно могущественным, чтобы попытаться контролировать Прилив.

Имя прозвучало как проклятие. Древень за нашими спинами тревожно зашелестел.

— Мне уже известно, что такое Прилив.

Роман замер и всё равно начал объяснять, словно не слышал меня.

— Величайшее событие, этот Прилив, — его голос приобрёл ритмичность заклинания. — Вечные циклы расширения Раскола... Скоро вся его сила хлынет в наш мир новой волной.

Он вдруг резко замолчал, словно очнувшись от транса. Морщины на его лице углубились, плечи чуть опустились. Я терпеливо ждал, чувствуя, как напряжение нарастает в воз-

духе.

— Тадиус и его приспешники — глупцы, — в голосе Романа зазвучало холодное презрение. — Они не понимают природы того, с чем играют. Думают, что могут оседлать бурю и направить её по своему желанию. Малейшая ошибка в их плане приведёт к катастрофе мирового масштаба. Конечно каждый из "Семёрки" пережил нечто, что сделало их теми, кто они есть. Но оттого ещё хуже.

Древень вновь зашелестел ветвями, на этот раз издавая тревожный, предупреждающий звук. Листья замерцали быстрее, их свет стал прерывистым и беспокойным.

— Именно поэтому ты так важен для нас, Максим, — Роман положил морщинистую руку мне на плечо, и я почувствовал исходящую от него силу. Древнюю и глубокую мощь. — Твои способности могут стать ключом к тому, чтобы остановить Тадиуса. Возможно, единственным ключом.

Мы продолжили движение по каменной тропе, спускаясь к одной из средних террас Убежища. Роман вёл меня извилистыми переходами, а потом остановился у каменного парапета. Пальцы, покрытые старческими пятнами, медленно провели по гладкой поверхности. Красавчик на моём плече беспокойно повернул голову.

— Кое-что о Приливе ты всё же не знаешь, — начал он медленно, словно подбирая каждое слово. — Это циклическое расширение самого Раскола. Волна его силы вырывается наружу, захватывая всё новые территории.

Его глаза потемнели, и в них промелькнула древняя печаль — отголосок воспоминаний о том, что он видел своими глазами.

— Представь себе озеро, в которое бросили огромный камень, — продолжил он. — Круги расходятся от центра, становясь всё шире. Так же работает и Прилив. Но это не просто расширение границ. Происходит нечто куда более серьёзное.

Афина рядом со мной тихо заворчала — низкий, гортанный звук, который означал беспокойство. Её глаза внимательно изучали лицо старика, словно кошка пыталась понять, исходит ли от него угроза.

— Прилив обращает простых зверей, да, — голос старика стал ещё тише, почти шёпотом. — И тогда...

— И тогда ими управляет только инстинкт и магия? — перебил я, озвучивая догадку, которая уже очень давно крутилась в голове. — Они массово покидают глубины Раскола и захватывают территории? Вытесняют людей с земель, захватывают поля, леса, города?

Роман резко замер и медленно повернул голову ко мне. На мгновение в его взгляде мелькнуло нечто похожее на удивление.

— Ты очень умён, Максим, — медленно произнёс он. — Неудивительно, что столького достиг в столь юном возрасте. Да, именно так. Но теперь представь масштаб...

Он обвёл рукой пространство вокруг нас.

— Десятки тысяч магических зверей одновременно хлы-

нут в населённые области. Не отдельные стаи, что ты видел в Драконьем Камне. Единая, неудержимая орда, которой движет сам Раскол. Поверь мне, это станет концом света. Именно это произойдёт, если Тадиус преуспееет в своих безумных планах.

Старик замолчал, давая словам проникнуть в сознание.

— А ведь это только Раскол нашего континента, — добавил он почти небрежно.

Я невольно содрогнулся. В воображении возникли картины: Драконий Камень под атакой бесчисленной орды магических зверей. Каменные стены, рушащиеся под ударами когтей и клыков. Люди, бегущие по улицам в панике. Дети, плачущие в руках родителей. Кровь на мощёных площадях.

— Не понимаю, — хрипло произнёс я, стараясь прогнать наваждение. — Зачем ему подобное? Что он получит от хаоса и разрушения?

Роман медленно покачал головой, на его лице появилось презрение.

— О, Тадиус жаждет совсем иного — контроля, могущества, бессмертия. Он считает себя достойным повелевать силами Раскола. У него может получиться, если мы его не остановим. Но он также может ошибиться, и тогда случится именно то, о чём мы говорим. В обоих случаях — ничего хорошего ждать не приходится.

Пальцы старика на каменном парапете с силой сжались.

— Самонадеянность — величайший грех магов, Максим.

Тадиус думает, что может приручить сам хаос! Силу, которая существовала задолго до его рождения.

— Если во время Прилива слабые звери атакуют человечество, то что происходит с сильными? — спросил я, уже предчувствуя ответ.

— Самые могущественные создания остаются в глубинах, — ответил старик. — Они используют освобождённое пространство для дальнейшего роста и эволюции. Некоторые достигают такой силы, что становятся сравнимы с живыми стихиями. Но не путай их с Альфами, это совсем другое.

Роман медленно повернулся ко мне, его взгляд стал пронзительным, почти гипнотическим.

— И вот здесь кроется истинный план Тадиуса, — произнёс он, каждое слово звучало как удар молота по наковальне. — Он считает, что сможет выловить Альф стихий и подобрать ключ к Расколу. Использовать их силу для установления нового порядка, где друиды «Семёрки» правят миром как боги среди смертных. У них уже есть несколько.

— Звучит совершенно безумно, — пробормотал я, чувствуя, как пересыхает во рту.

Тот гордый водяной гепард... Он решил погибнуть, но не сдаться силе друидов.

— Это и есть безумие, — кивнул Роман, его голос стал железным. — Тадиус не понимает, с чем играет. Силы, которые он пытается подчинить, могут стереть с лица земли не только человечество, но и его самого. Малейшая ошибка, и

освобождённые им силы...

Он не договорил, но договаривать было не нужно. Мы оба понимали, о чём речь.

Мы свернули в узкий переход между жилищами, направляясь дальше вниз по склону. Здесь было прохладнее, воздух пах влажным камнем и какими-то незнакомыми травами.

Иногда мы проходили мимо освещённых окон, из которых доносились звуки обычной жизни. Контраст между этим мирным покоем и ужасными откровениями Романа был разительным.

— Ты думаешь, почему он ударил тебя? — неожиданно спросил старик. На этот раз его голос прозвучал мягче.

Я поднял на него удивлённый взгляд. Вальнор? Зачем он заводит разговор об этом сейчас?

— То, что ты принял за агрессию, было лишь отголоском старой боли, — продолжил старик, не глядя на меня. — Вальнор, как и его дочь — оборотень. А Лана... она последняя из своего рода.

Слова упали в тишину, как тяжёлые камни в глубокий колодец.

Красавчик на моём плече почему-то тихо пискнул — звук, который у него означал тревогу.

Как бы мне не хотелось этого замечать, Первый Ходок каким-то образом влиял на всё окружение вокруг. И на меня в том числе. Его слова обладали неким гипнотическим эффектом, отчего слушать хотелось бесконечно.

— Сотни лет назад их народ был одним из самых могущественных в этих землях, — голос Романа звучал как какое-то заклинание. — Они жили в полной гармонии с лесом, в той самой гармонии, которую мы, Жнецы, лишь пытаемся воссоздать спустя века.

— Но?

— Но короли и маги тех времён боялись их силы, — продолжил он после паузы. — Боялись того, какими их сделал Раскол. Они не могли понять, а значит — не могли контролировать. А что нельзя контролировать...

— Проще уничтожить, — хрипло закончил я, уже догадываясь о развитии этой истории и чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Именно, — кивнул Роман, его глаза потемнели ещё больше. — Началась так называемая «Кровавая охота». Официально — кампания по истреблению опасных монстров, угрожающих мирному населению. На деле — хладнокровный геноцид, устроенный ради их земель, богатств и уникальных способностей.

Воображение рисовало картины: вооружённые отряды, врывающиеся в мирные поселения. Пламя, пожирающее дома. Крики. Кровь на траве.

— Вальнор был их вождём, — голос Романа почему-то стал жёстче. — Тогда ещё молодым и сильным. Он любил свой народ, верил в справедливость мира. И он отчаянно защищался, уж поверь, Максим.

Старик замолчал на долгие секунды. Тишина стала гнетущей, давящей.

— А потом Вальнор увидел, как его народ, клан, жена, дети... — голос прерывался, — ...сгорают в пламени человеческой жадности и страха. Он видел, как его соплеменники обращаются в пепел. Слышал их крики. И ничего не мог сделать.

Я закрыл глаза, представив ужас, который пережил седовласый воин. Беспомощность, отчаяние, всепоглощающую боль потери всего, что наполняло жизнь смыслом. Когда открыл глаза, увидел, что Роман смотрит на меня с пониманием.

— Единственное, что он смог вырвать из того ада, — закончил старик, — это свою маленькую дочь. Крошечного ребёнка, который даже не понимал, что происходит.

Удар Вальнора больше не казался мне чрезмерным — это была инстинктивная реакция отца, потерявшего всё. Защита последнего, что у него осталось.

— Для Ланы её дар — это всё, что осталось от целого народа, — продолжил Роман, снова трогаясь с места по направлению к нижним террасам. — Живое наследие, которое она несёт в полном одиночестве. Память о десятках поколений предков, мудрость веков, традиции, которым никто больше не научится. Но не удивляйся, если она назовёт это проклятием.

— А для Вальнора она — вечное напоминание о его ве-

личайшем поражении, — голос старика вновь стал грозным, в нём появились стальные нотки. — Каждый раз, глядя на дочь, он видит лица тех, кого не смог спасти. Слышит их крики. Чувствует запах дыма и крови. Не осуждай его, Макс. Судьба этого человека тяжела.

— Даже не думал, — задумчиво ответил я.

Афина тихо заворчала — низкий, сочувствующий звук. Даже она, хищница до мозга костей, понимала боль утраты.

— Поэтому мы и стали Жнецами Леса, — голос старика окреп. — Каждый из тех, кто пришёл ко мне впервые, потерял что-то невозполнимое, что нельзя вернуть никогда, и нашёл здесь новую семью, новую цель. Просто так люди к нам не попадают, Максим. Когда за спиной остаётся только выжженная земля, они приходят сюда в поисках надежды, друзей и спокойствия.

Я задумался, медленно переваривая всю услышанную информацию. Трагедия клана Ланы, безумные планы «Семёрки», надвигающийся Прилив, тайные войны между организациями — всё это складывалось в картину грандиозного противостояния.

— Есть кое-что, что требуется обсудить, Роман, — обратился я к старику, — меня отправил Иван «Драконободец». Корона просит встречи с тобой. Они предлагают объединиться против общего врага, если верить их словам.

Первый Ходок замедлил шаг и медленно покачал головой. — Боюсь, это невозможно, Максим.

— Почему? — искренне удивился я. — Разве Корона не поможет победить «Семёрку»?

В этот раз старик даже не обернулся ко мне. Его плечи напряглись.

— Потому что я не могу покидать Убежище, — спокойно произнёс он. — Моя жизнь поддерживается исключительно энергией Раскола, от которой мне нельзя отдаляться.

— Что это значит?

— Это цена, которую я заплатил за силу, — объяснил старик, медленно поворачиваясь ко мне лицом. Его голос звучал без тени сожаления. — Когда я впервые коснулся самого Раскола, моя человеческая природа... необратимо изменилась. Теперь я привязан к этому месту навечно, как корень к земле.

Он поднял руку и внимательно посмотрел на свои пальцы. В свете кристаллов я заметил, что кожа на них имеет странный, слегка серебристый оттенок — словно в жилах течёт не кровь, а жидкий металл.

— Стоит мне отдалиться от источника силы более чем на несколько километров, — продолжил он тихо, — и я начну медленно умирать. Просто рассыплюсь в прах.

Горностаи прижался ко мне теснее, его маленькое тёплое тельце задрожало. Афина подняла голову, её жёлтые глаза с нечеловеческой проницательностью изучали лицо Романа.

— Вот почему я всегда отправлял других, — продолжил Ходок с грустной улыбкой. — Григора, Вальнора, Лану. Сам

я могу действовать только отсюда, из самых глубин земли, управляя событиями как паук в центре паутины.

Внезапно морщинистое лицо старика озарилось хитрой, почти мальчишеской улыбкой. Глаза заблестели весёлыми огоньками, и я увидел в них отголосок того человека, каким он был до своих жертв.

— Кстати о подарках, — сказал он, и взгляд его скользнул к Красавчику. — Понравился ли тебе мой сюрприз?

— Какой? — не понял я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее от смутного предчувствия.

Роман многозначительно кивнул на горностаю, который, словно поняв, что речь идёт о нём, поднял маленькую мордочку и внимательно посмотрел на старика.

— Его стихийная адаптация, — произнёс Ходок с нескрываемой гордостью. — Неплохой потенциал открылся у малыша, не правда ли?

Мир вокруг словно замер. Время остановилось. Я почувствовал, как кровь стремительно отливает от лица, оставляя ледяную пустоту. В ушах зазвенело.

— Это был... ты? — с трудом выдавил я сквозь сжавшееся горло.

Он мог вмешаться в систему?!

— Нет, — Ходок рассмеялся, и в его смехе звучала искренняя радость. — Как бы я мог дотронуться до эволюции зверя на таком огромном расстоянии? Но вот о чём подумай. А кто же ещё обладает достаточной силой, чтобы изменить

саму природу живого существа? Мне нужно было лишь подсказать ему направление.

Красавчик медленно повернул маленькую мордочку в сторону Романа и долго, внимательно смотрел на него, словно пытаясь найти в этом морщинистом лице ответы. Затем горноста́й тихо пискнул.

Я осторожно погладил малыша, ощущая под ладонью тёплый мех и быстрое сердцебиение.

В голове проносились обрывки воспоминаний — внезапное, необъяснимое вмешательство во время эволюции Красавчика. Теперь всё складывалось в единую картину.

— Кажется догадываюсь, о ком ты. Получается, что ты следил за мной всё это время? — хрипло спросил я.

— Очень давно, — спокойно кивнул Роман, его глаза стали серьёзными. — С того самого момента, как впервые почувствовал отголосок твоей уникальной силы.

— Зачем?

Роман пристально посмотрел на меня.

— А ты разве сам не знаешь ответ? — загадочно протянул он, но вдруг резко выпрямился. Все следы весёлости исчезли с его лица, взгляд стал пронзительным и суровым:

— Раз личная встреча снаружи невозможна, я предложу нечто совершенно иное. Приведи представителей Короны сюда, в самое сердце нашего Убежища.

Я уставился на него, не веря услышанному. Слова звучали настолько невероятно, что мозг отказывался их воспри-

нимать.

— Ты... серьёзно? — выдохнул я.

— Абсолютно серьёзно, — твёрдо кивнул Ходок. — Ты ведь просишь меня об этой встрече, настаиваешь на союзе. Но вот в чём проблема...

Его глаза потемнели, превратившись в два холодных озера. В них появилась суровая, беспощадная серьёзность человека, готового принимать решения о жизни и смерти.

— Подумай очень хорошенько, Максим, — каждое слово звучало как удар молота. — Абсолютно ли ты уверен в том, что Корона не попытается уничтожить нас, когда увидит истинный масштаб сосредоточенной здесь силы? Что её представители не испугаются нашего могущества и не решат нанести удар?

Пауза затянулась. В воздухе будто повисла невидимая угроза.

— Что не повторится история с кланом Ланы? — тихо добавил он.

Слова ударили меня, как ледяная вода. Вот зачем он рассказал мне... Будто заранее знал.

В моей голове мгновенно замелькали ужасающие картины. Королевские войска в сверкающих доспехах, штурмующие мирное Убежище. Магические кристаллы, трескающиеся под ударами. Дети с их удивительными светящимися питомцами, в панике бегущие по каменным коридорам. Кровь и пламя, пожирающее дома.

Дыхание участилось. Ладони вспотели.

— Уверен ли ты, что можешь взять на себя такую ответственность? — продолжал Роман неумолимо. — Готов ли поставить на кон жизни всех, кто здесь живёт, включая беспомощных детей и стариков? Всех тех, кто нашёл здесь последнее убежище от жестокого мира? Ведь здесь не так много сильных Звероловов и Мастеров, Максим. Многие лишь учатся.

Я молчал, не находя слов. Тяжесть навалившейся ответственности была почти физически ощутимой.

Неопределённо мотнул головой, ощущая, как мысли путаются в клубок противоречий.

— Кстати, раз уж мы затронули тему предателей, — сказал я, отчаянно пытаясь сменить тему и выиграть время для размышлений. — Что стало с Виолой?

— Она больше не Зверолов, — просто ответил Роман, словно речь шла о самой обычной, повседневной вещи. В его голосе не было осуждения — только констатация факта.

Я пристально посмотрел на старика, ожидая увидеть хотя бы намёк на неодобрение или осуждение моих радикальных действий. Ничего. Лицо оставалось абсолютно спокойным.

— Тебя это совершенно не удивляет? — не поверил я. Ходок неопределённо пожал плечами.

— У нас было достаточно времени, чтобы поговорить с ней, пока ты восстанавливался после битвы, — медленно произнёс он, в голосе появились задумчивые нотки. — Край-

не странная особа, надо признать. Интересный случай.

— И что теперь с ней будет? — настоял я. — Послушай, если она больше не нужна для ваших планов...

— Нужна, — коротко перебил меня Ходок, и в его тоне промелькнуло нечто стальное, отчего сразу же расхотелось продолжать спор. — Я с ней ещё поработаю. Девушка сказала далеко не всё.

Что-то в его интонации заставило меня замолчать и не настаивать на подробностях.

— Но всё это неважно, — покачал головой старик, отмахиваясь от темы как от назойливой мухи. — Гораздо важнее то, что она подтвердила информацию, которую мы и так знали. «Семёрка» действительно активно ищет уникальных магических зверей для реализации своих безумных планов. Но помимо подтверждения старых фактов, она рассказала и кое-что принципиально новое.

— Что именно?

— В ходе одной из своих операций они обнаружили и попытались поймать невероятно могущественного Огненного Тигра. Зверь оказал яростное сопротивление. В итоге он был серьёзно ранен, но сумел сбежать. Интересно, что она об этом знала. Похоже, Эрика делала на Виолу большую ставку. Возможно тем лучше, что теперь у неё нет ядра.

Старик помолчал, давая информации усвоиться.

— Теперь этот тигр скрывается где-то в самых глубинах дикого леса, — продолжил он. — В таких глубинах, Максим,

куда даже мы не так уж часто заходим.

Я невольно вспомнил видения Режиссёра...

Чёрт.

— Если Тадиус и его приспешники сумеют найти тигра, исцелить его раны и подчинить своей воле, то их силы многократно возрастут. Более того, они окажутся на шаг ближе к цели.

— И что нам делать? — спросил я, чувствуя, как в груди нарастает тревога.

— Мы можем попытаться найти его первыми, — ответил Роман и широко улыбнулся. — Исцелить раны, завоевать доверие, предложить настоящее партнёрство вместо рабства. А знаешь...

Его пронзительный взгляд остановился на мне, изучая каждую черту лица.

— Возможно, именно ты сможешь найти к нему правильный подход. Очень своевременно. Потому что ты обладаешь уникальной возможностью выискивать могущественных существ.

— Почему ты так решил? — я нахмурился.

— Потому что ты так уже делал, мальчик, — усмехнулся ходок.

Мы дошли до небольшой террасы, где среди причудливых каменных образований стояло несколько жилищ, высеченных прямо в скале. Место выглядело мирно и безопасно.

Роман остановился и повернулся ко мне лицом с озорной,

почти детской улыбкой.

— Вот мы и пришли. Пожалуй, настало время задать самый важный вопрос, — произнёс он торжественно. — Максим, скажи мне, кто твоё сердце стаи?

Каждое слово отозвалось во мне ледяным эхом, прокатившимся по всему телу. Сердце забилося так сильно, что я был уверен — его стук слышен даже в соседних жилищах.

Я молча кивнул, не доверяя собственному голосу, и мысленно позвал Режиссёра.

Воздух рядом со мной замерцал, искрясь мельчайшими частицами света, и через мгновение величественная ветряная рысь бесшумно материализовалась из потока энергии.

Я медленно опустился на одно колено, чувствуя холод каменных плит сквозь ткань штанов, и заглянул в эти глубокие, полные древней мудрости глаза. В их глубинах всегда читалось нечто гораздо большее, чем просто интеллект зверя.

Когда коснулся ладонью морды моей рыси, сердце почему-то снова забилося чаще, отбивая панический ритм.

Да... Другого объяснения просто не может быть. Эта мысль уже приходила мне в голову.

— Он... — голос дрогнул, но я взял себя в руки. — Он Альфа?

Глава 3

— Ну и чего ты улыбишься, гад? — тихо спросил я, заметив едва уловимое озорство Режиссёра.

Он сидел передо мной, слегка наклонив голову, и в его глазах плясали искорки. Даже после всех откровений Первого Ходока рысь не утратила своей привычки казаться...

Обычной.

Временное жилище, которое мне выделили Жнецы, представляло собой просторную пещеру с высоким сводчатым потолком, вырезанную прямо в скальной породе. В углублениях горели знакомые кристаллы, излучавшие мягкий голубоватый свет. В центре лежал толстый ковёр из мягких шкур, а вдоль стен располагались каменные ниши, словно специально созданные для отдыха зверей.

Моя стая расположилась вокруг меня полукругом, и впервые за долгое время я видел их всех такими расслабленными.

Афина растянулась у правой стены, её массивное тело поднималось и опускалось в ритме спокойного дыхания. Время от времени она приоткрывала один глаз, проверяя обстановку, но тревоги в её взгляде не было. Красавчик устроился рядом с ней, свернувшись клубочком у лапы тигрицы — одновременно трогательное и забавное зрелище.

Карц лежал чуть поодаль, его огненная аура была приглушена до едва заметного мерцания. Лис казался погружённым

в собственные мысли, но я чувствовал через связь, что напряжение последних дней наконец отступило. Актриса дремала рядом с братом, изредка подрагивая во сне.

Я откинулся на мягкие шкуры и попытался осмыслить всё, что узнал от Романа.

Режиссёр — Альфа Ветра. Одно из семи первозданных существ, которые нужны Тадиусу для его безумного плана. Теперь многое становилось понятно. Видения, которые показывал мне Режиссёр, те ужасающие картины смерти и боли — это были его сородичи. Другие Альфы стихий.

Нельзя сказать, что я не догадывался. Но теперь получил подтверждение, и это было важно.

Роман объяснил мне многое. Альфы рождаются не по расписанию — они могут появиться в любой момент, когда Раскол создаёт нужные условия. Друиды «Семёрки» долгие годы были связаны по рукам и ногам, не зная, где и когда искать эти уникальные создания. Но во время последнего малого Прилива, произошедшего незадолго до того, как я очнулся в теле Макса, их магические ритуалы засекли рождение новой Альфы Ветра.

Всё дело в том, что такие редкие звери не появляются по расписанию, и друиды очень долго ждали именно стихию ветра — без неё в их плане не было смысла.

За Режиссёром отправили Эрику. Она искала, выслеживала, прочёсывала леса, но так и не нашла. А не нашла потому, что я переиграл её, сам этого не зная. Поймал двух вет-

ряных рысей в каньоне, даже не подозревая, какое сокровище держу в руках.

Исследовательница видела во мне лишь любопытный объект для изучения — молодого зверолова с необычным даром. Она понятия не имела, что искомая ею Альфа Ветра скоро окажется в моих руках. Её характер сыграл против неё.

А вот водяной гепард и та самая девушка из видения Режиссёра... Их убили. Быстро и жестоко. Одну Альфу они потеряли, но это ничего не изменило. Потому что существовал Ледяной Олень — производная стихии воды. И он тоже был Альфа.

По словам Виолы, которую допрашивал Роман, у «Семёрки» сейчас в заточении находятся две Альфы: Теневой волк и Земляной орёл. Обоих поймали во время предыдущих экспедиций, и теперь они ждут своего часа.

Им оставалось поймать ещё пятерых: огонь, жизнь, вода, кровь и... ветер.

Но это если верить всему, что рассказала Виола. А если они уже кого-то поймали тайно? Этого она не знала. А значит время играет против нас.

Я перевёл взгляд на Режиссёра. Рысь смотрела на меня с тем же мудрым спокойствием, что и всегда. Никаких видений в последнее время он мне не присылал. Значит ли это, что других Альф пока не убивали? Не ловили? Или связь работает не так, как я думаю?

— Итак... — пробормотал я, почёсывая Режиссёра за

ухом.

Рысь довольно прищурилась, подставляя голову под мою ладонь.

Роман объяснил мне смысл вопроса, в который вкладывал скорее идейный смысл.

«Сердце стаи».

Слова Первого Ходока поначалу звучали как приговор моему эго. Я — егерь, прагматик, человек, привыкший быть на вершине пищевой цепочки. Я — вожак. Я — Альфа. Эта мысль была стержнем моего существования в этом новом мире. И вдруг оказывается, что центральная роль в моей собственной стае принадлежит не мне?

Но чем дольше думал, отбрасывая уязвлённую гордость, тем больше понимал.

Почему Режиссёр — сердце?

Да потому что он — Альфа. Его природа — это не просто набор навыков. Он и есть стихия.

Но вся суть вопроса Первого Ходока была на поверхности. В мире Раскола существовала только одна стая, в которой находился Альфа-зверь...

Моя.

Режиссёр — совсем юная Альфа. Он ещё не раскрыл своего потенциала. Он — молодое сердце, которое бьётся в такт моим приказам.

Чёрт...

В каком-то смысле ему со мной повезло больше, чем мне

с ним. Скорее всего рыси до сих пор свободны лишь потому что я в своё время поймал их.

Режиссёр рос вместе со мной, учился вместе со мной, становился сильнее вместе со мной. И теперь его нужно продолжать развивать, раскрывать тот невероятный потенциал, что дремлет в его стихийной природе.

Я откинул голову назад, глядя в потолок пещеры. Вспомнил весь пройденный путь. Первую встречу с ними, те хитроумные засады, долгую погоню. Как Режиссёр признал меня вожаком, а Актриса последовала за братом. Как они вступили в стаю и принимали каждого её члена.

Режиссёр привязался ко всем нам. К Афине, которую мог прикрыть своими вихрями в бою. К Красавчику, которому передал часть силы и открыл доступ к стихиям! К Карцу, которого принял как равного, несмотря на их разную природу. Даже его гордое поведение было скорее маской — под ней скрывалась искренняя преданность стае.

И мне было глупо отрицать очевидное: я был Альфой этой стаи. Лидером, вожаком, тем, кто принимает решения. Но Режиссёр... он был её сердцем. Той живой силой, что связывала всех нас воедино. Пока билось это сердце, стая была неразрушима.

Теперь я понимал: Режиссёр никому больше не сможет принадлежать. Никогда. Связь между нами выходила за рамки обычных отношений зверолова и питомца. Мы были частью друг друга на уровне, который не могли разрушить ни

время, ни расстояние.

И если я умру... умрёт и он. Так сказал Ходок.

Чёрт возьми, да в моей стае Альфа!

Вспомнил каньон. А ведь уже тогда восхищался их умом, их слаженностью. Думал, что это просто два очень умных зверя играют со мной. А на самом деле я, как назойливая мошка, пытался поймать в банку ураган. Режиссёр играл со мной, изучал, оценивал. Вся та охота была одним большим собеседованием на роль вожака первородной стихии, о котором я даже не подозревал.

Первый Ходок поведал и ещё кое-что.

В ходе последнего Прилива Всеволод собирал для «Семёрки» биоматериалы из убитых захватчиков. Оказалось — энергия, что хранилась в них, помогает Тадиусу и Миране какое-то время чувствовать Альфу. Именно так они их и отлавливали. Так Моран и нашёл меня.

Но Альфы сильны, и даже у друидов всё получается далеко не всегда. Исключение — лишь молодой Режиссёр.

Когда Роман назвал имя дочери, его голос дрогнул, и я быстро сменил тему на рысь.

Вот почему его способности были такими мощными, даже оставаясь в рамках обычных рангов. Это были не просто навыки, а чистая мощь первозданной силы ветра.

Актриса же... Она не была Альфой. Роман назвал её «проводником», неким связующим звеном между Режиссёром и материальным миром. Первый Ходок признался, что с по-

добным феноменом он ещё не сталкивался, и предупредил, что в будущем меня может ждать что-то совершенно новое. Раскол постоянно меняется, эволюционирует, создавая то, чего раньше никогда не было.

Я поднялся с мягких шкур и направился к выходу из пещеры. Питомцы остались отдыхать — после тяжести последних дней им нужен покой. Да и мне хотелось побыть наедине со своими мыслями.

Каменные коридоры Убежища встретили меня привычной прохладой. За три дня я уже начал привыкать к этому подземному миру, хотя тоска по небу и солнцу временами накатывала волнами. Но сейчас меня занимали совсем другие мысли.

Роман был прав — я действительно обладал даром. Он задавал простые для меня вопросы. Как поймал рысей? Горноста?я?

Смешно, но всё это были обычные навыки егеря — умение читать следы, понимать поведение зверей, чувствовать их присутствие в лесу. То, чему меня научили годы охоты в сибирской тайге.

Теперь Ходок просил меня использовать этот «дар», чтобы найти Огненного Тигра раньше «Семёрки». Виола рассказала Роману, где примерно происходила погоня. Это была наша единственная зацепка, но Жнецы просто не знали, КАК искать такое древнее существо. А Роман был привязан к Убежищу. Да и сам признался, что столь древние Альфы

неподвластны его силам.

Теперь я их единственный шанс. Так он сказал.

Честно сказать, страх сжимал грудь холодными пальцами.

Я видел, на что способны друиды. Карц едва не убил меня одной атакой. Эрика была чудовищна. Моран призвал огромного теневого льва, выжил после невероятной атаки Григора, а потом создал портал из жизненной силы собственного питомца.

А ведь это были ещё не самые сильные члены «Семёрки». Тадиус, по словам Романа, превосходил их всех. Что будет, если я столкнусь с ним? Хватит ли моих сил? Ума?

Почему-то у меня было очень плохое предчувствие. Будто знал, что охота на тигра закончится чем-то, что я не смогу исправить. В голову лезли ужасные картины смерти Кра-савчика, Актрисы, моей собственной, из-за которой гибнет и Режиссёр.

Чёрт!

Но альтернатива была ещё хуже.

Если ничего не делать, друиды рано или поздно соберут всех Альф. А потом, когда их план будет близок к завершению, они выйдут и на меня. И тогда уже не будет ни Григора, ни других союзников. Только я, моя стая и враг, чья мощь многократно возросла.

Единственный способ выжить — сорвать планы «Семёрки» прямо сейчас. Пока их силы ещё не достигли пика. Пока они не всесильны.

Я свернул в знакомый коридор, ведущий к лечебным покоем. За эти дни каждый день навещал Григора, надеясь увидеть хоть какие-то изменения. Пока безуспешно.

Каменная арка привела меня в просторную пещеру, где на широкой каменной лежанке покоился великан. Его могучее тело казалось неестественно хрупким. Алое свечение каких-то целебных рун, нанесённых Романом, медленно пульсировало на коже, но состояние отшельника не менялось.

Дыхание всё такое же неровное, с долгими паузами. Лицо бледное, с глубокими тенями под закрытыми веками. Руки, способные сокрушать камни, лежали безвольно поверх одежды.

— Как дела, старик? — тихо спросил я, присаживаясь на грубый каменный стул рядом с лежанкой.

Ответа, конечно, не последовало. Григор молчал уже третий день подряд.

Вчера Лана рассказала мне кое-что о его с Мораном прошлом.

Оказывается, Григор родился совсем в другом месте. В какой-то деревушке на Западе, где и дружил с Мораном. Они были молоды, полные идеалов, искренне верили в возможность гармонии между человеком и природой.

Но на одной из вылазок что-то пошло не так. Лана не знала подробностей, а Григор никогда не любил говорить о прошлом. Но результат был налицо: Моран предал эти идеалы и в конце концов оказался в рядах «Семёрки», а Григор за-

мкнулся в себе и стал избегать людей.

Возможно, именно поэтому отшельник так отчаянно сражался с бывшим другом. Что же, чёрт возьми, там произошло?

Я внимательно посмотрел на неподвижное лицо отшельника, пытаясь найти хоть какие-то признаки улучшения. Морщины боли немного разгладились, но сознание всё ещё не возвращалось.

— Знаешь, — продолжил я разговор с самим собой, — Роман хочет, чтобы я пошёл искать Огненного Тигра.

Тишина. Только едва слышный, непонятный шум где-то в глубине пещер.

— Ты никому не говори, но, честно говоря, опасно. После того, что было... Эти друиды не шутят. А Тадиус, по слухам, вообще чудовище.

Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как усталость навалилась на плечи.

— Но что ещё остаётся? Сидеть и ждать, пока они соберут всех Альф? Пока дойдут до нас? Нет, так дело не пойдёт, да, Григор? Вот было бы круто, если б ты встал и пошёл со мной, дружище. Я же должен тебе как-то отплатить за всё, что ты сделал.

Времени у нас почти не оставалось. Каждый день промедления приближал «Семёрку» к цели. И чем дольше мы бездействовали, тем опаснее становился наш враг.

Поднялся и пошел обратно к своей стае. Ладно, пора най-

ти Романа, моя стая наконец пришла в себя и выздоровела. Нужно решить, что делать с Короной. Следующие минуты дороги я почти ни о чём не думал.

Внезапно позади послышались торопливые шаги. Что-то в этой спешности заставило меня насторожиться — в Убежище люди редко бегали без серьёзной причины.

Я обернулся.

Лана бежала словно ураган. Её причёска растрепалась, тёмные пряди выбились из заплетённых кос и прилипли к вспотевшему лбу. Грудь часто и неровно вздымалась — она явно бежала чуть ли не через половину Убежища, не жалея сил.

Глаза девушки блестели от волнения, в них читались одновременно облегчение и тревога. Она схватила меня за руку, пытаясь отдышаться.

— Он очнулся! — выдохнула она, и голос её дрожал от нахлынувших эмоций. — И зовёт тебя!

Сердце подпрыгнуло к горлу, в ушах зазвенело от внезапной волны адреналина. Я, не раздумывая, бросился следом за девушкой, обратно к извилистым коридорам Убежища.

Мы почти бежали по знакомым переходам.

Лана двигалась впереди с той грацией, которая выдавала в ней оборотня — каждый шаг был рассчитан и точен, она не сбавляла темпа даже на крутых поворотах и скользких от влаги участках. Её силуэт то появлялся в кристальном освещении, то растворялся в тенях.

Мысли беспорядочным роем метались в голове.

Очнулся!

После трёх дней бессознательного состояния, когда я каждый час боялся услышать, что его сердце остановилось. После того взрыва Аватара, который чуть не убил его на месте. Он выжил, в сознании!

Наконец мы добрались до нужной секции Убежища. Лана резко затормозила у знакомой арки, её грудь тяжело вздымалась от быстрого бега. Она жестом показала мне пройти вперёд, сама оставшись в коридоре — очевидно, понимая, что этот разговор должен происходить наедине.

Я переступил каменный порог и замер, словно налетев на невидимую стену.

Григор лежал на той же каменной лежанке, но всё в нём кардинально изменилось. Глаза были открыты. Осмысленны. Живы. В них теплилась та искра разума, которую я действительно боялся больше никогда не увидеть.

Но боже, как же страшно он выглядел. Теперь, когда он пришёл в себя, это было особенно заметно.

Кожа — бледная, с нездоровым сероватым оттенком, словно вся кровь ушла из неё навсегда. Глубокие морщины прорезали лицо новыми, жестокими бороздами, превращая его в карту перенесённых страданий. Если раньше возраст придавал ему мудрую солидность, то теперь он выглядел на целый десяток лет старше.

В прошлом могучие и гордые плечи теперь безвольно

провалились под тяжестью одеяла. Грудная клетка, некогда мощная как бочка, казалась впалой и хрупкой. Дыхание было поверхностным, прерывистым — каждый вдох давался ему с видимым усилием.

Алое свечение целебных рун, нанесённых Романом, медленно угасало, становясь всё тусклее. Магия делала своё дело, но было очевидно — она лишь поддерживала жизнь, а не возвращала былую силу.

— Григор, — тихо позвал я, подходя ближе к лежанке.

Великан с трудом повернул голову в мою сторону. Движение далось ему с огромным усилием, словно голова весила центнер. Мышцы шеи напряглись, на лбу выступили капельки пота от этого простейшего действия.

Но когда наши взгляды встретились, в его глазах вспыхнула та самая внутренняя сила, тот несгибаемый стержень, который не могла сломить даже смерть.

— Спасибо, — хрипло произнёс я, медленно опускаясь на стул рядом с лежанкой. — За то, что спас нас. За то, что остановил Морана. Я... я в огромном долгу перед тобой. Опять.

Слова давались тяжело. Как выразить благодарность человеку, после такого? Как найти достойные слова для зверолова, заплатившего собственной силой?

Григор медленно моргнул, веки словно налились свинцом. Он явно пытался сфокусировать зрение, собрать воедино расплывающуюся реальность. Когда заговорил, голос его звучал очень слабо:

— Моран... — Дыхание сбивалось, прерывалось, грудь неровно поднималась и опускалась. Между словами возникали длинные паузы, во время которых он собирался с силами. — Мы с ним были... как братья.

Я услышал такую пронзительную боль, что тут же захотелось отвести взгляд. Но заставил себя смотреть прямо.

— Не говори сейчас, — попытался остановить его, наклонившись ближе. — В тебе силы почти нет, Григор. Нужно восстанавливать их, беречь их, а не тратить на разговоры. Всё остальное может подождать.

Григор едва заметно покачал головой, и это слабое движение стоило ему огромных усилий. Но в этом почти незаметном жесте читалась непреклонная воля человека.

— Моя сила... — прошептал он. — После Аватара... Нечего восстанавливать. Её больше нет.

Слова упали между нами, как надгробные камни, похоронив под собой любые надежды на восстановление. Великий воин, а я считал его великим. Человек, чья сила, как по мне, была сравнима с природными стихиями, превратился в...

Бледную тень.

— А Моран всё равно жив, — продолжил отшельник, и в его голосе неожиданно появились стальные нотки. Откуда-то из глубин души он черпал последнюю решимость. — Я расскажу тебе кое-что, Макс. Чтобы ты не думал, что можешь отделаться от своего предназначения. Потому что ты мне должен.

— Дважды, — уверенно кивнул я.

— Тогда слушай...

Глава 4

Солнце клонилось к закату, превращая осенний лес в огненное море золотых и алых красок. Листья берёз шуршали под ногами, а в воздухе витал терпкий запах прелой листвы и первого мороза.

Молодой Григор шёл по знакомой тропе широким уверенным шагом, его могучие плечи двигались в такт размеренной ходьбы. Рядом с ним шёл Моран — его лучший друг, брат по оружию и единственный человек, который понимал его без слов.

Им было по двадцать пять, и оба считались восходящими звёздами среди звероловов родной деревни. Григор — могучий, как молодой медведь, с добрыми глазами и непоколебимой верой в справедливость мира. Его руки были способны переломить толстую ветку одним движением уже в этом возрасте.

В деревне его любили за доброту и простоту, а враги из соседних деревень боялись за ту яростную силу, что просыпалась в нём, когда кто-то обижал слабого.

Моран был полной его противоположностью — стройный, быстрый, острый на язык. Его глаза смотрели на мир с холодной расчётливостью. Но за этой внешней сдержанностью скрывался преданный товарищ, готовый последовать за Григором хоть на край света. Их дружба началась в детстве,

когда Григор защитил худощавого мальчишку от деревенских задир, и с тех пор они были неразлучны.

За их спинами, тщательно скрываясь за стволами деревьев, семенила четырнадцатилетняя Марэль — младшая сестра Морана. Девочка тайно последовала за братом и его другом, мечтая посмотреть, как проходит настоящая охота. Её тёмные волосы были заплетены в две аккуратные косички, а в больших глазах, точная копия брата, горел огонёк детского восхищения и упрямства.

Марэль обожала Григора. Для неё он был воплощением всего, о чём она мечтала — сильный, добрый, справедливый. Девочка часами могла слушать его рассказы о лесе, о зверях, о том, как важно понимать природу, а не просто покорять её.

Похоже, она даже...

Влюбилась.

Моран это знал и постоянно ворчал на сестру, чтобы та не путалась под ногами у взрослых охотников. Но втайне он был горд её смелостью, не подозревая о самом важном чувстве сестры.

Они выслеживали странного зверя — некогда благородного лесного оленя, который подвергся какой-то теневой порче. История началась три недели назад, когда пастухи стали находить растерзанные туши овец и коз. Сначала все думали, что это обычные волки, но следы говорили о другом. Звериные отпечатки были слишком большими, слишком глубокими, а главное — в их форме читалось что-то

неправильное и искажённое.

Догадался, конечно же, Григор, что дико бесило Морана. Создание бродило по окрестностям, нападая на скот и внося хаос в привычную жизнь деревни. Фермеры боялись выпускать животных на дальние пастбища, дети не смели играть у опушки леса, а по ночам в домах горели все свечи — никто не хотел встретиться с тварью в темноте.

Совет старейшин решил единогласно — зверя нужно убить.

Григор и Моран взялись за дело — для них это была проверка мастерства и долг перед родной деревней.

— Эй, великан, — хмуро сказал Моран, остановившись у глубокой борозды в земле. Его пальцы скользнули по краям отпечатка, и лицо помрачнело. — Посмотри на эти следы. Видишь, как глубоко они врезались в землю? Зверь становится всё агрессивнее и сильнее.

Он выпрямился и посмотрел на друга с нехарактерной для него тревогой.

— Вчера он напал на стадо старого Бориса, убил пять овец. Сегодня едва не убил его внука — мальчишка чудом спасся, забравшись на дерево, если верить его словам, ха-ха.

— Чего ты смеёшься? — пробасил Григор.

— Ну он же не видел зверя. Ладно... Нужно прикончить эту тварь, пока она не добралась до людей.

Григор присел на корточки рядом с отпечатками, его широкие ладони легли на холодную землю.

Что-то в этих следах настораживало.

Борозды были хаотичными, словно животное металось в агонии, не зная, куда бежать от собственной боли. В некоторых местах отпечатки перекрывали друг друга — зверь ходил кругами, останавливался, поворачивал обратно.

— Не спеши, друг, — задумчиво ответил он, поднимая горсть земли и внимательно её рассматривая. В почве чернели крошечные капли засохшей крови. — Да, зверь опасен. Но посмотри внимательнее — в этих следах я вижу не злобу... Страдание.

Он встал и посмотрел на зверолова.

— Может быть, есть способ ему помочь? Порча, да? Что-то вроде болезни. А болезни можно лечить, я же уже делал так.

Лицо Морана исказилось гримасой недовольства. Он шагнул к другу.

— Помочь? Григор, ты в своём уме?! Это же порождение порчи, сам сказал! Ты видел, что осталось от овец Бориса? Их разорвали в клочья! А мальчишка едва ли говорит от страха! Не будь дурачком, а?

Моран схватил великана за плечо, его пальцы впились в кожу через ткань рубашки.

— Оно убьёт нас прямо во время охоты, если мы будем медлить с глупыми попытками его «спасти». Это всего лишь зверь. Олень пожирает коз! Ты понимаешь вообще, как это звучит? Это насколько же изменилось животное. Что взбре-

ло тебе в голову, нам сказали убить тварь?! Ведёшь себя, как слабоумный.

Но Григор мягко высвободился из хватки друга.

— А если попробуем ритуал очищения? — настаивал он, и голос его звучал твёрдо, несмотря на дружеское давление. — Я знаю о чём говорю, Моран. Мастер Альберик из соседней области успешно очистил заражённого волка. Если в душе зверя ещё осталась искра благородства, если он сражается с тьмой Раскола внутри себя... Ты же знаешь, раз у меня уже получилось.

— Бред! — Моран отступил на шаг. — Если провалимся, тёмная энергия вырвется наружу! Ты понимаешь, что может случиться? Что такое больные магические звери? Особенно тeneвые!

— Я знаю об опасности, перестань, — спокойно ответил отшельник, и это спокойствие только больше раздражало друга. — Ну не могу я убить существо, не попытавшись сначала его спасти. Если мы будем уничтожать всё, что кажется нам опасным, мы станем не лучше Тадиуса. Что, хочешь сказать, его методы хороши?

— Да нужен мне этот пердун. Свалил из своего города в лес и ладно, — неуверенно махнул рукой Моран.

— Вот-вот... Ты можешь уйти, если хочешь, я всё сделаю сам.

За широким дубом, прижимаясь к шершавой коре, стояла Марэль. Девочка слышала каждое слово, и её сердце бе-

шено колотилось от восхищения. Как же она была права, какой же молодец Григор! Вот он — настоящий герой, готовый рисковать собой ради спасения даже проклятого зверя. В её детском воображении он уже стал сражающимся с драконом рыцарем из сказок, которые мама рассказывала в детстве.

Марэль знала, что брат не возьмёт её с собой. Но она не могла упустить шанс увидеть настоящее чудо — как Григор превратит чудовище обратно в благородного лесного оленя. Хорошо, что они даже не пытаются обнаружить слежку.

Спор между друзьями продолжался ещё несколько минут, но результат был предreshён. Когда Григор принимал решение, был непоколебим, как скала. Моран знал это и, скрипя зубами, согласился помочь — не потому что верил в успех, а потому что не мог бросить друга в беде.

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы. — Но, если что-то пойдёт не так, клянусь, я первым ударю тебя в висок и убью оленя!

Григор улыбнулся той широкой, искренней улыбкой, которая всегда разоружала его.

— Договорились, брат. А теперь идём, день клонится к вечеру.

Логово твари они нашли в тёмной ложбине между холмов, там, где когда-то бил родник. Теперь вода в нём почернела и издавала тошнотворный запах гнили. Небольшая пещера, заросшая чёрными лозами порчи, зияла в склоне холма.

В глубине пещеры что-то двигалось. Временами оттуда

доносились звуки — что-то промежуточное между стоном боли и плачем. Марэль, спрятавшаяся за валуном подальше от входа, чувствовала, как по спине бегают мурашки.

— Вон оно, — прошептал Моран.

Некогда величественный лесной олень превратился в кошмар. Его рога, которые раньше были символом лесной мудрости и силы, почернели и искривились, превратившись в уродливые наросты. Красные глаза светились в темноте нездоровым огнём, а из потрескавшейся шкуры сочилась тёмная слизь, которая шипела, касаясь земли.

Зверь лежал на боку, его дыхание было тяжёлым и неровным. Время от времени он поднимал голову и издавал тот самый жалобный звук, который они слышали снаружи. Крик боли существа, которое не понимало, что с ним происходит.

Но Григор увидел то, чего не заметил его друг. Когда зверь посмотрел на них, в глубине его безумного взгляда мелькнула слабая, но настоящая искра. Та благородная душа, которой когда-то обладал лесной олень. В тёмной глубине красных глаз промелькнуло что-то мудрое, что ещё сопротивлялось порче.

— Видишь? — шепнул великан, не сводя взгляда с искажённого существа. — Он ещё сражается с порчей. Душа не мертва. Она просто заперта внутри этого кошмара.

Моран покачал головой, его лицо было белым от напряжения. Каждый инстинкт кричал ему, что нужно убежать из этого проклятого места. Но он не мог бросить друга.

— Я думаю, ты совершаешь ошибку, — тихо сказал он.
— Но... буду рядом.

— Не призывай стаю... Что бы ни случилось, — прошептал Григор, доставая из рюкзака толстую верёвку и несколько железных крюков. План был безумным — поймать зверя живым и попытаться исцелить редкими травами, которые он заготовил специально для этого случая. В его рюкзаке лежали растения, известные своими очищающими свойствами. Он знал, что правильно приготовленный отвар сможет изгнать порчу из тела несчастного создания.

Великан начал осторожно приближаться к пещере, держа в руках самодельный аркан. Пот выступил на его лбу, несмотря на вечернюю прохладу.

Моран стоял на страже, его лук был натянут и готов к выстрелу. Он не верил в план друга, но был готов защитить его, если тварь нападёт.

Марэль, затаив дыхание, наблюдала из своего укрытия. Её детское сердце билось от восторга и страха одновременно. Перед ней разворачивалось настоящее приключение — не те скучные охотничьи байки, что рассказывали в деревне, а живая схватка с настоящим чудовищем.

Григор метко бросил аркан. Верёвка обвилась вокруг шеи зверя, и тот взревел от ярости. Искажённое существо рванулось вперёд, пытаясь вырваться, но Григор уже закрепил конец верёвки за толстое дерево.

Зверь бился в петле, а из пасти летела чёрная слюна. Крас-

ные глаза пылали бешенством, но Григор начал готовить целебный отвар прямо на месте. Его руки чуть дрожали, пока он растирал травы в походной ступке, но он продолжал верить в свой план.

— Это сработает, — прошептал великан, удерживая натянутую верёвку одной рукой, а другой пытаясь приготовить лекарство. Пот стекал с его лица ручьями, руки дрожали от напряжения. — Я вижу боль в его глазах, Моран. Он страдает! Сработает, да. Должно сработать...

Моран невольно ослабил натяжение тетивы. Может быть, Григор был прав? Может быть, и вправду получится?

Когда отвар был готов, Григор осторожно приблизился.

И на мгновение показалось, что чудо действительно произошло.

Олень перестал биться в верёвках. Его тело обмякло, судороги прекратились. Из пасти перестал идти чёрный дым, а красное свечение в глазах начало угасать, сменяясь проблеском чистого, ясного взгляда. Шерсть на его загривке вдруг начала светлеть, возвращая свой природный оттенок. От зверя пошло слабое, чистое сияние.

Моран ахнул и опустил лук. На его лице впервые за долгое время появилось нечто похожее на надежду.

— Получилось... — прошептал он, не веря своим глазам.

Григор выпрямился, на его лице была победная улыбка.

Марэль, наблюдавшая за всем из своего укрытия, затаила дыхание. Её сердце готово было выпрыгнуть из груди от вос-

торга. Получилось! Григор смог! Он спас проклятого зверя, превратил чудовище обратно в благородного оленя!

Не выдержав переполнявших её эмоций, Марэль вскочила из-за валуна.

— Григор! — радостно закричала она, бросившись к поляне. — УРА-а-а-а, получилось!

Её внезапное появление и звонкий крик разрушили хрупкое равновесие.

Олень, только что начавший приходить в себя, дико дёрнулся от неожиданности. Испуг и остатки порчи смешались в нём в гремучую смесь. Чистое сияние вокруг него замерцало и погасло. Глаза снова налились кровью.

Раздался звук, похожий на треск ломающегося льда. Чёрные трещины пошли по телу зверя.

— Марэль, назад! — в ужасе закричал Моран, но было уже поздно.

Порча взорвалась.

Из тела оленя вырвалось цунами живого мрака, который захлестнул всю ложбину. Олень испустил последний, полный невыносимой агонии крик и распался на тысячи тёмных частиц.

Волна тёмной энергии обрушилась на всех троих одновременно.

Григор, крича что-то нечленораздельное, попытался прикрыть Морана своим телом. Тот инстинктивно рванулся к сестре, но не успел — разрушительная сила смела их всех,

ТЫ ТУТ ДЕЛАЛА?! Держись! Я всё исправлю, найду лекарство, ГРИГОР, КАК ЕЙ ПОМОЧЬ?! Марэль! Нет...

Но Марэль лишь слабо улыбнулась брату. Её маленькая ладошка поднялась и коснулась его щеки, оставляя на коже ледяной след.

— Прости, — прошептала она, и голос её звучал странно далеко. — Григор... такой... Я хотела... посмотреть...

Девочка закрыла глаза, и её рука безвольно упала.

Тишина, наступившая после её смерти, была оглушительной. Даже ветер перестал шуметь в ветвях деревьев, словно сама природа замерла в скорби.

То, что произошло дальше, Григор помнил, как в кошмарном сне. Моран медленно поднялся с телом сестры на руках. Его лицо исказилось от горя и ярости, слёзы ручьями текли по щекам, но взгляд стал ледяным...

Мёртвым.

Он бережно положил Марэль на траву, поправил её косячки, закрыл ей глаза. Потом выпрямился и посмотрел на Григора с такой ненавистью, что тот невольно отступил.

— Ты убил её, — сказал Моран тихо, но каждое слово было как удар кинжалом. — Твой идиотский идеализм, твоя слепая вера в то, что всех можно спасти, твоя чёртова доброта. Вот к чему это привело.

Григор попытался приблизиться к другу, протянул руки в умоляющем жесте.

— Моран, я не знал, что она здесь... Прости меня, я...

— Заткнись! — взорвался Моран, и его крик отозвался эхом в ложбине. — Молчи, чёртов придурок! Слабоумный и самоуверенный идиот!

Последние слова он прокричал так громко, что они врезались в душу Григора глубже любого меча.

Прозвище прилипло намертво. Деревенские жители, всегда готовые поверить в худшее, с жадностью подхватили историю о неудачном ритуале. Репутация Григора была разрушена за одну ночь. Его благородные порывы стали восприниматься как опасная наивность. Жители избегали его, шептались за спиной, показывали пальцами.

«Григор-дурачок», — шептали старухи. «Из-за него погибла Марэль», «Берегись его, он принесёт беду».

Моран же изменился кардинально и окончательно. Добрый, хоть и горячий юноша превратился в холодного, жестокого человека, в сердце которого поселилась ледяная пустота. Он больше не верил в сострадание, в возможность помочь хоть кому-то, ведь его родную душу не смогли спасти.

В его понимании мир сузился до одного чувства: истребление без сомнений и колебаний. Промежуточных вариантов не существовало. Именно эта философия беспощадной жестокости позже привела его в ряды «Семёрки друидов», где его ненависть к состраданию нашла понимание и поддержку.

А Григор, опозоренный и раздавленный горем, собрал свои немногие вещи и покинул родную деревню тёмной ночью, когда все спали. Он ушёл в глухие леса, где поселился

отшельником, избегая людей и мучаясь воспоминаниями о той роковой ошибке. Лишь спустя лет двадцать он появился в деревне Максима, но и там не сумел задержаться надолго.

Голос Григора затих. Он с огромным трудом открыл глаза и посмотрел на меня. В этом взгляде читалась вся боль прожитых лет, весь груз вины и сожалений.

Лана стояла в дверном проёме, её лицо было мокрым от слёз.

— Марэль, — тихо прошептал я. — Так ты звал свою медведицу.

— Чтобы не забывать... Понимаешь теперь, как Моран стал таким? — едва слышно прошептал Григор. — Я создал чудовище. Моя наивность, мой идеализм... Они превратили лучшего друга в одного из самых опасных врагов.

Он замолчал на долгие секунды, собираясь с последними силами.

— Но знаешь, Макс... — В его голосе неожиданно прозвучала твёрдость, та самая негибкая воля, что помогала ему выживать все эти годы. — Я всё равно был прав. Даже после всего, что случилось... всё равно был прав. Оленя можно было спасти.

— Не знаю, старик... Меня там не было. Но не могу сказать, что разделяю твою позицию, — честно ответил я.

Григор замолчал, его дыхание стало прерывистым.

— После всего этого Моран изменился, — сказал вели-

кан. — стал одержим. Искал знания о тени, о порче. Все говорили ему, что это невозможно, что тьму можно только истреблять. Но, как видишь, он обуздал тень в самых невероятных масштабах. Тадиус умеет находить таких людей и менять их в угоду самому себе.

— Ты почти убил его, — ответил я.

— Но он ещё жив и доставит проблем. Найди тигра, Макс, помоги Ходоку. Ты мне должен. А если встретишь Морана, то знай, я запечатал его сильнейшие теневые возможности навсегда. Но, пожалуйста, если будет шанс, попытайся спасти. Он хороший человек.

— Был хорошим.

— Я и сказал... Если будет шанс. А он должен быть, после того, что я сделал. Тень должна отступить...

Григор медленно закрыл глаза, и его дыхание стало ещё более поверхностным. Силы окончательно покинули его, погружая обратно в забытие целебного сна.

Я медленно поднялся со стула, чувствуя тяжесть в груди. Рассказ Григора перевернул многое в моём понимании «Семёрки». Тадиус и его приспешники были не просто безумными магами, жаждущими власти. Некоторые из них, как Моран, стали чудовищами из-за боли, которая выжгла всё человеческое.

Но от этого они не становились менее опасными. Наоборот.

— Лана, — тихо позвал я, подходя к девушке. — Ты чего

ревёшь-то?

Она подняла на меня красные от слёз глаза, и в них вспыхнула злость.

— Ты что, бесчувственный чурбан? — резко бросила она.

— Почему? — не понял я.

— Ах да, — девушка горько усмехнулась, гордо вскинув подбородок, — у тебя ведь не вырезали целый народ.

Я покачал головой.

— Не стоит так... Что же мне, стоять реветь, как ты? Послушай, хотел кое-что с тобой обсудить. Дело нужно делать, а не слёзы ронять.

В глазах девушки мелькнула настороженность — она чувствовала, что разговор будет серьёзным.

— Роман предложил мне привести представителей Короны в Убежище, — сказал я прямо, не видя смысла ходить вокруг да около. — Для заключения союза против «Семёрки». И есть просьба...

Эффект был мгновенным и разрушительным.

Она резко выпрямилась, слёзы на её лице мгновенно высохли, словно их никогда не было. Глаза превратились в два куска льда.

— Ты шутишь? — Её голос стал тише обычного, но в нём звучала настоящая ярость.

— Кхм, да дослушай, просто вопрос...

— Нет! — взорвалась она, шагнув ко мне так резко, что я невольно вскинул брови. — Послушай МЕНЯ, мальчик!

Девушка подняла руку и ткнула пальцем в грудь.

— Знаешь, кто устроил «Кровавую охоту»? — её голос дрожал от ярости. — Короли! Те самые люди, с которыми ты предлагаешь заключить союз!

Я попытался вставить слово, но она вновь не дала.

— Мой отец рассказывал мне, как это было, — продолжила Лана. — Как королевские войска окружили наши поселения. Как они сжигали дома с детьми внутри. Понимаешь? Для них мы всегда будем монстрами. Всегда будем угрозой, которую нужно уничтожить. Они могут улыбаться, говорить о союзе, клясться в дружбе. Но стоит им прийти...

Лана сжала кулаки.

— Они снова устроят резню. Потому что не могут контролировать то, чего не понимают. А не могут понять нас никогда.

Я пытался прервать её, да куда там. Пантеру понесло.

— Лана, да погоди ты...

— Максим, ты наивен, как Григор в молодости!

Она подошла ко мне вплотную, и я увидел, что её глаза налились кровью.

— Как только представители Короны увидят, что мы скрываем в Убежище, как только поймут, какой силой обладает Первый Ходок, знаешь, что они подумают?

Лана наклонилась ближе, её голос стал шёпотом.

— Они подумают: «А что, если эти Жнецы тоже наши враги? Что, если они объединятся с „Семёркой“ против нас?

Что, если мы уничтожим их сейчас, пока они не стали слишком сильными?»

Девушка отступила на шаг, скрестив руки на груди.

— И тогда, Максим, вместо одного врага в лице «Семёрки», у нас будет два. А детей, стариков и беженцев, нашедших здесь убежище, раздавят в этой войне.

Логика Ланы была жестокой, неопровержимой. Я всё это понимал, принимал её аргументы, видел железную силу её доводов и...

Расхохотался. Смеялся так, что слёзы выступили на глазах. Эхо моего хохота отразилось от сводов пещеры и покапало по коридорам Убежища.

Лана уставилась на меня, словно я внезапно превратился в танцующего медведя. Её глаза расширились от изумления. Рот приоткрылся, обнажив белые зубы, а пальцы инстинктивно сжались в кулаки — видимо, она решила, что у меня помутился разум.

— Ты... — начала она, но я поднял руку, всё ещё давась от смеха.

— Постой, постой, — выдавил я сквозь приступ веселья, вытирая выступившие слёзы. — Вообще-то я хотел узнать твоё мнение. Что ты думаешь, если я пока не буду видаться с короной, раз тигр в таком приоритете.

— Да-да, в приоритете, и потом мы все умрём от... — яростно тараторила она, размахивая руками, но внезапно осеклась, словно натолкнулась на невидимую стену. Глаза её

округлились ещё больше, если это вообще было возможно.
— Что?

Я откашлялся, стирая последние следы смеха с лица, и постарался изобразить максимально серьёзное выражение.

— Ты не дала мне договорить, — сказал, но улыбка всё равно пробивалась в голосе.

Несколько секунд Лана молча открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Её щёки медленно розовели, превращаясь в два ярких пятна смущения. Она отвела взгляд и принялась яростно разглядывать каменный пол, словно искала в нём ответы на все вопросы мироздания.

— А, кхм... — пробормотала она, голос её стал совсем тихим. — Тигр? Ну... Да, наверное, это можно обсудить...

— Вот именно, — кивнул я, наслаждаясь её замешательством. — Я определился с приоритетами, а Короне пошлём гонца, раз время не терпит. А ты тут мне целую лекцию о неизбежной гибели прочитала.

Лана поджала губы и бросила на меня взгляд, полный такого возмущения, словно я украл у неё последний кусок хлеба.

Именно в этот момент в комнату ворвался Вальнор.

Седовласый оборотень выглядел так, словно только что пробежал половину Убежища, не щадя сил.

— Где этот чёртов мальчишка?! — прорычал он, и его взгляд мгновенно нашёл меня. — Что ты наделал?!

Я инстинктивно напрягся, чувствуя исходящую от него

волну ярости. Афина когда-то излучала похожую энергию в тот день, когда обнаружил её в сарае. Но даже агрессия кошки казалась детской игрой по сравнению с тем, что сейчас источал Вальнор.

— О чём ты? — осторожно спросил я, готовясь к худшему.

— Корона! — рывкнул оборотень, размахивая руками. — Отряд Драконоборца идёт прямо сюда!

Кровь ударила мне в голову. Неужели они и правда решились на это? Арий давал неделю...

— Разведчики донесли, — продолжал Вальнор, его голос становился всё более угрожающим.

— Отец, — попыталась вмешаться Лана, но Вальнор её не слушал.

— Ты привёл их за собой! — он шагнул ко мне, и я увидел, как его мышцы напряглись.

Его правая рука сжилась в кулак, плечи развернулись для удара. Та же самая траектория, тот же самый замах, что и совсем недавно.

Но на этот раз я был готов.

Когда кулак Вальнора полетел к моему солнечному сплетению, я перехватил его запястье. Сталь встретилась со сталью — моя хватка оказалась достаточно сильной, чтобы остановить удар в нескольких сантиметрах от цели.

Вальнор замер от изумления, его глаза расширились. В них читалось полное недоумение — он явно не ожидал со-

противления.

Я медленно поднял взгляд и посмотрел ему прямо в глаза.
— Этот номер сработал лишь однажды, — холодно произнёс я, не ослабляя хватки, — и то потому, что я понимал твои чувства и был виноват перед Ланой. Больше так делать не нужно.

В моём голосе не было ни вызова, ни агрессии — только спокойная констатация факта. Я не собирался драться с оборотнем, не хотел демонстрировать силу. Просто обозначал границы.

Несколько секунд мы стояли в этой застывшей позиции. Его кулак в моей руке, наши взгляды сцеплены в немом противостоянии. Я чувствовал, как по его мышцам пробегают судороги напряжения — оборотень мог легко вырваться, мог перейти к настоящей схватке.

Но вместо этого вся ярость неожиданно покинула его лицо. Плечи опустились, мышцы расслабились. В глазах появилось что-то похожее на растерянность — эмоция, которую я никак не ожидал увидеть.

— Что будем делать? — сбито спросил он.

Я отпустил его руку и отступил на шаг. Мысли лихорадочно перебирали варианты. Королевские отряды у границ Убежища означали, что время закончилось. Арий давал мне неделю...

Лана молча наблюдала за нами, её лицо было бледным от напряжения. В её глазах я читал тот же вопрос, что прозвуч-

чал в голосе отца.

— Пойдём навстречу, — сказал я с ледяным спокойствием. — А затем за тигром.

Глава 5

В глубине диких лесов, за сотни километров от любого человеческого поселения, две огромные тени рассекали утреннее небо. Редчайшие птицы, грифоны — исполинские хищники с широким размахом крыльев — плавно снижались к скрытой среди искажённых деревьев поляне.

Первый грифон коснулся земли когтями, оставляя в почве глубокие следы. С его спины спешил высокий мужчина в тёмном плаще — друид Ветра Радонеж. Тёмные волосы развевались вокруг усталого лица, а глаза цвета стального клинка методично осматривали окрестности. Второй всадник соскользнул с крыла своего питомца — Крагнор, друид Воды.

— Наконец-то, — процедил Радонеж, стягивая с плеч дорожный мешок. — Надеюсь никогда не возвращаться в эту дыру.

Крагнор промолчал, но по напряжению в его плечах было видно — он разделяет настроение товарища.

Поляна выглядела мертвой. Деревья вокруг покрывала чёрная кора, трава под ногами хрустела, словно высохшие кости, а воздух был настолько плотным от магической энергии, что каждый вдох отдавался тяжестью в лёгких.

В центре поляны зияла расщелина в скале — узкий проход, который легко было принять за естественную трещину. Оба друида направились к ней, не размениваясь на слова.

Спуск вел в обширную пещеру, вырубленную в толще камня. Стены покрывали резные узоры — кровавые руны силы, пульсирующие тусклым красноватым светом. Случайный Зверолов никогда бы не попал сюда.

В центре пещеры на каменном ложе лежала женщина. Эрика, некогда красивая друид-исследователь, как считали оба друида, была едва узнаваема. Её тело покрывали чёрные вены, расходившиеся от шеи паутиной порчи. Кожа приобрела сероватый оттенок, а дыхание было неровным и прерывистым. Рядом с ней склонился Тадиус — лидер Семёрки.

Друид Крови сидел прямо, его лицо не выражало ни усталости, ни тревоги — только холодную концентрацию. Длинные пальцы с железной уверенностью накладывали очередной целебный компресс на тело Эрики. Даже в этой мрачной пещере, окружённый стонами раненых соратников, Тадиус излучал непоколебимое спокойствие властелина, который никогда не позволит себе выглядеть слабым.

— Как моя девочка? — хрипло спросил Радонеж, подошёл ближе и погладил друида Жизни по голове.

— Стабильно, — не отрывая взгляда от больной, ответил Тадиус. — Яд Альфы оказался сильнее, чем я ожидал. Он не убивает сразу, но медленно пожирает жизненную силу изнутри.

— Выживет?

— Выживет... — Тадиус наконец поднял глаза на вошедших. — Вы вовремя.

В противоположном углу пещеры сидел ещё один раненый. Моран, друид Тени, опирался спиной о каменную стену. Его левая глазница зияла пустой впадиной, а место, где когда-то была правая рука, закрывали грубые повязки. Рядом с ним хлопотала Мирана — друид Земли, единственная из Семёрки, кого можно было назвать целителем.

— Опять болит? — тихо спросила она, меняя компресс с магическими травами на обрубке руки.

— Не рука болит, — мрачно ответил Моран. — Душа болит. Григор запечатал мою связь с теневым разрывом. Навсегда. Чувствую его внутри себя, но не могу достать. Словно заперт в собственном теле.

Мирана сочувственно кивнула:

— Возможно, это пройдёт?

— Не пройдёт, — отрезал Моран, и в голосе его прозвучала такая боль, что Мирана вздрогнула. — Я же чувствую. Он использовал какую-то древнюю технику. Печать держится на его жизненной силе, но даже после его смерти она не исчезнет. Я навсегда останусь калекой.

Его единственный глаз сверкнул ненавистью.

— Проклятый идеалист. Даже покалечив меня, всё равно не убил. Оставил доживать в муках, чтобы я каждый день помнил о своей слабости.

— Моран, — окликнул его Тадиус, не поднимая головы от Эрики. — Перестань жалеть себя. У нас есть дела поважнее твоих детских обид.

Друид Тени стиснул зубы, но промолчал.

Из глубины пещеры начали подтягиваться последователи — десяток мужчин и женщин в тёмных одеждах, готовые отправиться в глубины зоны максимальной опасности. Они собирались кольцом, их лица были напряжёнными. В пещере ощущалось давление надвигающейся грозы.

Радонеж обошёл пещеру, осматривая убожество их временного пристанища. Две калеки из шести, ещё и труп — не лучший расклад для организации, претендующей на власть над миром.

— Чёртов мёртвый Карц, — выдохнул друид ветра. — Слабак.

— Мёртвый, да... — коротко бросил Тадиус. — Этот юнец с рысью убил его на пару с Григором.

— Тот парень, — прошипел Моран. — Если бы не он, Григор был бы мёртв, а я — целым. Он обернул мой же теневой взрыв в моего же льва!

Крагнор наконец заговорил, его голос булькал, словно вода в горле утопленника:

— Значит, из семи боеспособных осталось всего четверо. Не густо для войны со Жнецами и Альфой ветра.

— Пока четверо, — поправил Тадиус, бросив взгляд на Эрику. — Посмотрим, чем можно помочь Морану. Так или иначе, план остаётся в силе. У нас есть два ключа — Альфа Тени и Альфа Земли. Ещё пять, и мы сможем получить от Раскола что хотим. Альфу ветра можно не считать. Та рысь

юна и неопытна. Чтобы пробудить в ней силы Альфы, пацану не хватит мозгов, так что это меньшая из проблем.

— Так у тебя всё просто! — огрызнулся Радонеж. — Этот мальчишка с рысью уже знает о нас слишком много. Корона, судя по всему, тоже начала действовать. А мы сидим в этой норе и зализываем раны.

Тадиус медленно поднялся, вытирая руки о тряпку.

— Всему своё время, — произнёс он с уверенностью. — Мы ранили Огненного Тигра, но не поймали. Сейчас он в глубинах лесов, прячется и зализывает раны. Найдём его — получим третий ключ. Я наконец-то...

— И кто пойдёт, Тадиус? — с сомнением перебил Крагнор. — Моран едва держится на ногах, Эрика при смерти. Целей больше, чем охотников.

— Хватит, — твёрдо сказал Тадиус.

Радонеж медленно повернулся к лидеру, и по его лицу прошла судорога ярости. Сдержанность слетела с него, как шелуха.

— ХВАТИТ?! — взорвался он, голос эхом прокатился по пещере. — ХВАТИТ ЧЕГО?! Чёрт возьми, Тадиус, мы идём на охоту, а в итоге именно НА НАС ОХОТЯТСЯ КАК НА ЗВЕРЕЙ! Карца убили! Морана изуродовали! Моя малышка при смерти, как ты вообще допустил, чтобы её укусили?! А ты сидишь здесь, как мудрец, и говоришь «хватит»?

Друид Ветра размахивал руками, его глаза горели безумным огнём. Крагнор инстинктивно сделал шаг назад — он

знал Радонежа достаточно долго, чтобы понимать: сейчас товарищ был опасен для всех.

— Где ваша хваленая компетентность?! — Радонеж резко развернулся к Морану, который поднял голову, сощулив единственный глаз. — Где твоя тень, которой ты так гордишься? Где способности, за которые Тадиус взял тебя в «Семёрку»?!

— Радонеж... — предостерегающе произнесла Мирана, но друид Ветра не слушал.

— НЕТ! — рявкнул он. — Я устал молчать! Мы ведём войну за господство, а эти двое проиграли каким-то мальчишкам и отшельнику!

Радонеж вдруг рванулся к стоящему у стены молодому Мастеру с бледным лицом. Парень, может быть, лет двадцати, с редкой бородкой и нервно дёргающимися руками. Друид Ветра схватил его за плечо железной хваткой, и тот вздрогнул от неожиданности. В его глазах мелькнул страх, но он не посмел сопротивляться — дисциплина была выше всего.

— Смотрите! — прорычал Радонеж, его голос эхом отозвался от каменных стен. Он достал из-за пояса тонкий кинжал с изогнутым лезвием. Сталь мерцала в красноватом свете рун, отбрасывая кровавые блики на стены пещеры. — Убить человека — это сложно?

Молодой Мастер открыл рот, пытаясь что-то сказать, может быть, взмолиться о пощаде, но Радонеж не дал ему и се-

кунды.

Клинок вошёл между рёбер с мягким хлюпающим звуком, словно проткнул спелый плод. Лезвие скользнуло между костями, найдя сердце. Молодой последователь даже не успел закричать — только широко раскрыл глаза, в которых промелькнуло недоумение, потом боль, потом пустота. Его колени подогнулись, и он медленно осел на каменный пол, оставляя на груди Радонежа багровое пятно.

Кровь хлынула из раны тёплой струёй, окрашивая серый камень в тёмно-алый цвет. Запах крови мгновенно заполнил воздух пещеры.

— ВОТ! — заорал Радонеж, стоя над телом с окровавленным кинжалом в руке. Капли крови стекали с лезвия, каждая падала на камень с едва слышным звуком. Его лицо исказила гримаса торжествующего безумия. — СМОТРИТЕ! ЭТО ТАК СЛОЖНО?!

Пещера погрузилась в мёртвую тишину. Все застыли, словно превратились в каменные изваяния.

Мирана прижала ладонь к губам. Лицо друида Земли побледнело до цвета мела.

Моран пошатнулся, его обычно невозмутимое лицо исказилось отвращением. Друид Тени повидал немало смертей, но такая бессмысленная жестокость переходила границы.

Даже Тадиус, всегда невозмутимый и хладнокровный, впервые за много лет выглядел... озадаченным. Его брови слегка сдвинулись, а взгляд стал более острым, изучающим.

Словно он пытался понять, сошёл ли Радонеж окончательно с ума или это был лишь приступ ярости.

Остальные последователи съёжились у стен, прижимаясь друг к другу. В их глазах читался животный страх — они понимали, что друид Ветра в таком состоянии может выбрать любого из них в качестве следующей жертвы.

Запах крови становился всё сильнее, смешиваясь с потом страха.

Радонеж медленно повернулся к Морану, кинжал всё ещё дрожал в его руке. Лицо друида Ветра исказилось гримасой безумия — глаза слишком широко раскрыты, рот растянут в уродливой улыбке, на подбородке блестят капли слюны.

— Какого чёрта ты проиграл?! — прошипел он, и новые капли крови с кинжала упали на каменный пол, добавляя багровых пятен к уже растущей луже. — Что случилось?! Как можно было допустить такой провал?!

Моран поднял свой единственный глаз, в котором вместо обычной ледяной злобы читалась усталость и боль. Он не ответил — просто смотрел на обезумевшего товарища с чем-то похожим на жалость.

В этот момент Тадиус резко выпрямился, словно невидимая пружина дёрнула его вверх.

Изменение в воздухе почувствовали все. Это было похоже на тишину перед грозой в горах, когда даже птицы замолкают, чувствуя приближение лавины.

Глаза друида Крови медленно вспыхнули кроваво-крас-

ным светом, превратившись в два тлеющих угля в глубоких глазницах. От его фигуры исходила волна невидимой силы, которая давила прямо на сознание присутствующих.

Воздух в пещере стал вязким, как густая смола или мёд. Каждый вдох давался с трудом, словно лёгкие наполняли не кислородом, а удушающим газом.

Радонеж, только что кипевший от ярости и самодовольства, вдруг согнулся пополам, словно на его плечи навалили тяжесть горы. Окровавленный кинжал выпал из ослабевших пальцев, звякнув о камень рядом с телом убитого. Друид Ветра задыхался, хватая ртом воздух, но не мог набрать в лёгкие достаточно.

Крагнор рухнул на колени, его руки судорожно сжимали горло. Лицо друида Воды покраснело, потом начало синеть — он не мог дышать под давлением силы Тадиуса.

Мирана прижала обе руки к горлу, её глаза расширились от ужаса. Она пыталась сделать хотя бы маленький глоток воздуха, но невидимая сила сжимала её дыхательные пути железной хваткой.

Даже покалеченный Моран, несмотря на боль и усталость, инстинктивно съёжился, прижавшись спиной к каменной стене. Его единственный глаз был широко раскрыт — он понимал, что Тадиус способен убить их всех.

Последователи повалились ниц, словно гигантская невидимая ладонь раздавила их о пол. Некоторые потеряли сознание от недостатка кислорода, другие судорожно царапали

когтями каменный пол, пытаюсь хоть как-то облегчить давление.

Тадиус медленно поднялся с места у постели Эрики. Каждое его движение было плавным и неторопливым — как у огромного хищника, который знает, что жертва никуда не денется. Его шаги не производили звука, но каждый отдавался в сознании присутствующих.

Он остановился прямо перед согнувшимся Радонежем. Друид Ветра, ещё мгновение назад полный ярости и самодовольства, теперь дрожал всем телом, как побитая псина, пытающаяся спрятаться от хозяина.

— Радонеж, — произнёс Тадиус голосом тише шёпота. Звук проникал не только в уши, но прямо в сознание, заставляя мысли разбегаться в панике. — Ты забыл кое-что важное.

Друид Крови медленно наклонился, приблизив своё лицо к уху дрожащего Радонежа. Дыхание Тадиуса было холодным и... противным.

— Вы ведь тоже потерпели неудачу с гепардом воды. И ты убил его. Я разве что-то сказал тебе? Радуйся, что есть олень льда, иначе всё было бы иначе. И запомни, мои люди — это МОИ люди, — каждое слово капало ледяным ядом. — Если ты ещё раз поднимешь руку на кого-то из них без моего приказа, я лично пушу тебя на кровь для ритуалов. И поверь, процесс будет долгим. Я знаю, как сделать так, чтобы ты оставался в сознании до последней капли.

Радонеж хрипло вздохнул, пытаясь выдавить хоть слово, но давление магии не позволяло даже дышать нормально. В его глазах вместо ярости теперь плескался животный страх.

— Я создавал эту организацию очень долго, — продолжал Тадиус, выпрямляясь. — Каждый из вас — инструмент в моих руках. Полезный инструмент, пока не начинает думать, что может принимать решения самостоятельно. Помните об этом.

Он окинул взглядом всех присутствующих. Красное сияние в его глазах усилилось.

— Кто-то ещё хочет обсудить этот вопрос? Или мне снова применить силу начертанных кровью рун?

Ответом была только тишина и прерывистое дыхание полузадушенных друидов.

Тадиус медленно кивнул и отпустил свою силу.

Воздух в пещере снова стал нормальным. Радонеж жадно глотнул воздух и рухнул на четвереньки, его тело сотрясала мелкая дрожь. Крагнор тяжело поднялся на ноги, вытирая пот с бледного лица. Последователи осторожно выпрямились, но никто не осмеливался поднять глаза на лидера.

Иерархия была восстановлена одним движением.

Друид крови обвёл взглядом притихших соратников и покачал головой, словно объясняя что-то особенно несообразительным детям.

— Вы не понимаете, против кого пришлось сражаться Морану, — произнёс он спокойно, возвращаясь к постели

Эрики. — Григор не просто использовал запретную технику. Он превратил собственное ядро в оружие.

Радонеж поднял голову, всё ещё тяжело дыша после магического давления.

— И что с того? — хрипло спросил он. — Моран тоже владеет аватаром теней.

Тадиус остановился рядом с каменным ложем, его пальцы вновь легли на пульс Эрики.

— Дело не только в ядре, — продолжил он, не отрывая взгляда от больной. — У Григора было преимущество, о котором мы не знали.

Крагнор нахмурился:

— Какое ещё преимущество?

— Самец и самка Алой Кости, — просто сказал Тадиус.

В пещере повисла тишина. Мирана перестала перебинтовывать руку Морана и уставилась на лидера. Радонеж медленно поднялся с колен, глаза расширились.

— Что? — переспросил Крагнор, голос булькал от изумления.

— Именно то, что слышишь, — терпеливо объяснил Тадиус. — Всё это время Григор скрывал второго питомца. Когда Моран призвал аватара теней, отшельник выпустил обоих медведей. Только так он смог открыть третий резерв и призвать...

Радонеж побледнел, словно понял всю чудовищность ситуации.

— Первобытный медведь... — прошептал он. — Чёрт...
Да это же...

— Безумие, — закончил за него Моран. В единственном глазу плескалось что-то похожее на облегчение. — Я чудом ушёл. А это третий резерв, даже не четвёртый. Посмотрел бы я на тебя, Радонеж, что бы ты сделал. Да и Альфа ветра эта — тварь та ещё.

Тадиус кивнул:

— Теперь понимаете масштаб поражения? Моран справился с невыполнимой задачей лучше, чем мог справиться любой из вас.

Мирана осторожно доделала повязку и отступила.

— Но Григор...

— Григор мёртв, — отрезал Тадиус. — Никто не выживает после открытия третьего резерва. Никто. Так что можешь радоваться, Моран.

Последние слова прозвучали почти ласково, но в них читалась насмешка.

Радонеж процедил сквозь стиснутые зубы:

— Радуйся...

Моран вымученно улыбнулся, отводя взгляд.

Тадиус выпрямился и обошёл каменное ложе, остановившись в центре пещеры. Красноватый свет рун играл на его покрытом татуировками лице, придавая чертам демоническое выражение.

— Довольно оплакивать неудачи, — произнёс он твёрдо.

— Пора заняться делом. Огненный Тигр до сих пор на свободе. Карц и Мирана не особо справились в тот раз.

Мирана сжала губы, но промолчала. В её глазах мелькнула обида, но спорить с лидером она не осмелилась.

— Кроме того, — продолжил Тадиус, и в голосе зазвучала заговорщицкая нотка, — удалось найти кое-что интересное.

Он медленно обвёл взглядом всех присутствующих, наслаждаясь их вниманием.

— Я наконец-то обработал биоматериалы с той атаки на Драконий Камень. И теперь у нас есть следы, ведущие и к убежищу Ледяного Оленя, и к ориентировочному месту тигра.

Крагнор резко выпрямился:

— Ещё и оленя? Ты уверен?

— Более чем, — кивнул Тадиус, и на его губах появилась довольная улыбка. — Две Альфы сразу. Огонь и Лёд.

Радонеж шагнул вперёд, в его глазах вспыхнул азартный огонёк:

— И как мы поступим? Разделимся? А как же Жнецы?

Тадиус покачал головой, улыбка стала шире.

— А теперь слушайте что делать дальше, — произнёс он, и в голосе зазвучало предвкушение. — Мальчишка сам всё сделает. И тогда...

— И тогда мы получим сразу три ключа, — довольно закончил Крагнор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.